

Сычев М.С.,
казачий полковник Союза казаков России,
член Международной общественной организации
«Императорское Православное Палестинское общество»

Протопоп Аввакум и его время.
Историко-публицистический очерк

Настоящая работа не призвана стать глубоким исследованием жизни и творчестве выдающегося православного подвижника и талантливейшего русского писателя XVII века – протопопа Аввакума. Статья призвана в какой-то мере компенсировать отсутствие мероприятий для Астраханской области в 2020 юбилейном году посвященных официальному празднованию 400-летия со дня рождения протопопа Аввакума, широко отмеченному в других регионах нашей страны и за ее пределами.

Творчество, борьба и даже сама жизнь протопопа Аввакума были неразрывно связаны с одной из самых драматических страниц русской истории – церковным расколом. По трагичности произошедшего и катастрофичности последствий церковную реформу середины XVII века, положившую начало расколу Русской Церкви, по праву можно поставить в один ряд с Гражданской войной в России в XX веке и развалом государства в 1991 году.

На протяжении двух с половиной веков, до объявления Манифеста «О началах веротерпимости» в 1905 г., с редкими перерывами, репрессивным аппаратом государства, при активном содействии государственной Церкви, проводилась спланированная политика дискриминации, травли и уничтожения приверженцев церковной старины. Она проявлялась в издании многочисленных репрессивных правительственных и церковных актов, в дискриминации во всех сферах государственной и общественной жизни, травле и ошельмовании, постоянных обысках и арестах, временами, в запрете

передачи имущества по наследству и принудительном изъятии детей, казнях, пытках, заключениях, ссылках и т.д. [30, С. 21-24]. Все то, что в современном международном праве именуется геноцидом.

Поэтому, по мнению автора публикации, прежде чем изучать историю жизни и литературного творчества «протопопа-богатыря» (по выражению С.М. Соловьева), следует рассмотреть ряд вопросов характеризующих историческую эпоху, в которой он жил и творил. В первую очередь раскрыть такое явление в отечественной истории и народной духовной жизни, как старообрядчество; понять людей, вся вина которых заключалась в искренней вере в Бога и преданности отеческим обычаям и которых. Остановиться на событиях, которые предшествовали и способствовали церковному расколу и изучить его последствия для России. И, наконец, почему фигура протопопа Аввакума стала самым ярким и узнаваемым образом старообрядчества?

Рассуждая о старообрядчестве, следует отдавать себе отчет, что речь идет не о малой или маргинальной группе людей, а о немалой части населения страны. В миссионерских и министерских докладах конца XIX в. не только отдельные волости, но целые уезды и даже регионы империи, по выражению гражданских и духовных чиновников того времени были «поголовно заражены расколом». Официальная цифра числа старообрядцев в 3 млн. чел. в начале XX века вызывала недоверие уже тогда. Просто указание не то что реальной цифры в отчетах, а хотя бы активной динамики увеличения численности сторонников старого обряда (семьи были многодетные и рожали часто) незамедлительно привело бы к отставке целого ряда чиновников, которые это «допустили». Способы подсчетов численности старообрядцев в 1900-х гг. между историками разнятся. Одни склоняются к 10 млн. чел., другие называют цифру в 20 млн. Есть мнение, что каждый третий великорус, в «золотой век старообрядчества» (1905-1917 гг.) держался старой веры. [14, С. 356, 365-369.]

Века политико-религиозного прессинга правительственных и иерархических кругов, нарисовал в художественной, публицистической и

околонаучной литературе негативный образ замкнутых людей, крайне ограниченных фанатиков, расселившихся по тайге и постоянно готовых к самосожжению. Квинтэссенция этой идеологии ненависти – картина В.А. Кузнецова «Божьи люди или Черные вороны». Созданию негативного образа старообрядцев способствовал и советский художественный кинематограф. Между тем это совершенно превратное впечатление.

Во-первых, старообрядцы – это хранители русской народной идентичности (хотя, среди старообрядцев были представители и целого ряда других этнических групп). Если этнографам, как прошлого, так и современности необходимо собрать русский народный фольклор за ним едут в старообрядческие села или станицы. Многие жанры песенной культуры, такие как старина (в научном обиходе она получила название «былина»), былина («историческая песня»), духовные стихи и т.д. были бы утрачены, если бы не старообрядчество. То же можно сказать о русском народном костюме и его региональных особенностях. И живую не прерывавшуюся традицию народных обычаев ищут только в старообрядческих уголках: Усть-Цильма, семейские Забайкалья, «кержаки» Алтая и др. Даже знаменитые народные промыслы, в большинстве возникли и сохранились благодаря старообрядцам.

В условиях жесточайших гонений, старообрядцы еще с конца XVII века, начали переселяться за границы России. Местом их проживания стали территория многих государств – Румыния, Бессарабия, Буковина, Турция, Болгария, Прибалтика, Польша, Китай, Южная и Северная Америки, Австралия. Везде, где бы они ни поселялись, приверженцы «древлего благочестия» они сохраняли не только веру, но и обычаи, и свой язык. Селились они исключительно компактно – общинами, - сотни лет, с легкостью, противостоя попыткам ассимиляции. Без старообрядцев огромный пласт великорусской культуры просто не дошел бы до наших дней.

Во-вторых, старообрядцы сохраняли и развивали духовную традицию русского православия. Благодаря старообрядцам до нас дошли

«старопечатные» книги, массово уничтожавшиеся правительственными и синодальными чиновниками на протяжении XVIII-XIX вв. Искоренялась сама культура книги. А в это же время, в таких староверческих центрах, как Выг, Ветка, Иргиз процветало искусство переписывания книг, совершенствовались книжные миниатюры. В старообрядческих книгопечатнях, в основном тайных, шло массовое переиздание, богослужебной, певческой, богословской и назидательной литературы. Исконное церковное пение, унаследованное Русью от Византии, демественный, знаменный, путевой распевы, записанные крюковой нотацией, безусловно, погибли бы, если не старообрядцы. В синодальной Церкви, даже в самых отдаленных приходах, уже к концу XVIII века, эти распевы были основательно забыты. Русско-византийская традиция в греко-русской Церкви уступила место европейской классике. [Подробнее см.: 46]

По мнению большинства авторитетных исследователей отечественной иконописи, русская икона дожила до наших дней в таком большом количестве и разнообразии только благодаря староверам, как богатым меценатам, так и простым людям. В старообрядческой среде сохранилась и культивировалась бытовая культура иконы. Когда в XIX веке, под влиянием западной культуры, шла массовая замена в церквях, соборах и монастырях древних икон на академические «картины», старообрядцы для своих церквей, часовен, скитов и домашних моленных стремились выкупить эти бесценные памятники древнерусского творчества. [29, С. 12-13.]

В-третьих, усилиями старообрядцев осваивались необъятные просторы Российской державы. Путь к этому был двоякий: или поиск места для свободного отправления богослужения, или ссылка за «исповедание старой веры». Но итог был одинаков, благодаря трудолюбию, рачительности, стойкости к лишениям и взаимовыручке новые, необжитые края приобретали своих постоянных, а, часто и первых, поселенцев. Старообрядцы колонизировали внутренние малодоступные районы Центральной России,

Стародубье, Заволжье и Поморье, Поволжье, Дон, Кавказ, Урал, Алтай, Хакасию, Даурию, Приморье, труднодоступные районы Сибири и, даже, китайский Синьцзян.

В-четвертых, на протяжении веков старообрядцы оставались защитниками своей страны – Великой России, продолжая и развивая старомосковские традиции военной тактики и стратегии. Казачьи войска стальной цепью обороны опоясали границы империи. И в каждом войске служили казаки-старообрядцы. Где-то их было всего несколько семей, как в Амурском или Семиреченском, а где-то их было подавляющее большинство, как в Уральском (историческое название Яицкое) войсках. На Дону, в каждой казачьем юрте (в самой станице или на хуторах) стояла или старообрядческая церковь, или часовня, или моленная. Тоже можно сказать о «линейных» отделах Кубанской области. Гребенцы, кизлярцы, волгцы Терского казачьего войска почти поголовно исповедовали старую веру. Но, даже там, где «древлеправославные христиане» насчитывали по несколько процентов, как в Оренбургском или Сибирском войсках, их культура становилась определяющей, для всей остальной казачьей массы.

И это при том, что всероссийская власть отнюдь не отвечала на бескорыстное служение старообрядцев взаимностью. Вспоминая знаменитых казаков-старообрядцев, на ум приходят фигуры героев двух Отечественных войн – с французами и германцами – «вихрь-атамана» М.И. Платова и героя-донца К.Ф. Крючкова.

Наконец, **в-пятых**, особая роль старообрядческого капитала в экономике России конца XVIII – начала XX веков. Почти 45% всей российской экономики было сосредоточено в руках последователей «древлего благочестия» разных толков и согласий. И это, естественно, без учета т.н. «единоверцев», православных, сохранивших старый обряд, но присоединившихся к официальной Церкви. Старообрядческие купцы, промышленники, банкиры, торговцы стали образцом для своих коллег в сфере ведения коммерции. В своих руках они сосредоточили целые отрасли

отечественной промышленности. Их передовой опыт перенимали, их быту, моде, поведению подражало все купечество России. Разбогатеv эти люди не стремились щеголять роскошью, они старательно тратили каждую лишнюю копейку на дела благотворительности: возводили церкви и колокольни, строили богадельни и приюты, открывали больницы, учреждали стипендии для учащейся молодежи и т.д.

На всю Россию прославились крупнейшие хлеботорговцы: московские – Рахмановы и нижегородские – Бугровы. Крупнейшими текстильщиками стали разные ветви многочисленного рода Морозовых. Знаменитейшими банкирами – Рябушинские. Глава дома, П.П. Рябушинский, был председателем прогрессистской фракции в двух последних Думах империи. Самым известным книгоиздателем России, своего времени, стал К.Т. Солдатёнков, а имя М.С. Кузнецова, производителя лучшего в стране фарфора, стало мировым брендом, войдя в историю, как «кузнецовский фарфор». [Подробнее см.:1] Крупным общественным деятелем был Д.В. Сироткин – многолетний городской голова Нижнего Новгорода. Здесь перечислены лишь самые яркие представители многочисленного старообрядческого купечества.

В рассуждениях о протопопе Аввакуме, у исследователей плохо знакомых с русской духовной традицией или сознательно не вдающихся в реалии XVII века, можно, довольно часто, встретить такие нелепости, как-то: «Протопоп Аввакум – идеолог старообрядчества» (а, то и вовсе *раскола*). При этом «идеолог» понимается ими, как основоположник и теоретик старообрядчества. Здесь требуется изложить постулат и задать два вопроса. Во-первых, расколом являются действия тех, кто вводит безосновательные и ничем не оправданные нововведения, а не те, кто отстаивает тысячелетнюю традицию. Во-вторых, кем же был протопоп Аввакум для своих современников и кем остался для потомков? И, главное, кто же был идеологом или идейным вдохновителем русского старообрядчества?

Протопоп Аввакум - выдающийся христианский подвижник, писатель, полемист, завершивший свой земной путь священномученическим подвигом. О нем можно говорить, как вожде всех сторонников старого чина, знамени и символе русского исповедания для потомков.

Без всякого сомнения, к идейным основоположникам старообрядчества можно отнести равноапостольного великого князя Владимира, крестившего Русь и его бабу святую княгиню Ольгу. Это и Александр Невский, и великий подвижник земли Русской игумен Сергей Радонежский, и святители московские Петр, Алексей, Иона, и выдающейся организатор Стоглавого собора св. митрополит Макарий, и пострадавший от царя митрополит Филипп, и замученный от поляков и своих предателей, но не отступивший в вере священномученик Гермоген – патриарх всея Руси, и весь колоссальный сонм русских святых.

Идея, за которую русские люди готовы были умереть и умирали в XV – XVII и последующих веках, начала литературно оформляться митрополитом Иларионом в «Слове о Законе и Благодати», прошла красной нитью через всю русскую средневековую мысль, и увенчавшись теорией «Москва – Третий Рим» в послании старца Филофея: «Старого убо Рима церкви падеся неверием аполлинариевы ереси; втораго же Рима Костянтинова града церкви агаряне внуцы секирами и оскордми разсекоша двери. Сия же ныне третьяго новаго Рима державнаго твоего царствия святая соборная апостольская церкви, иже в концых вселенныя в православной христианстей вере во всей поднебесней паче солнца светится». Наиболее ярко и емко это воплотилось в изречении преподобного игумена Иосифа Волоцкого: «Русская земля ныне благочестием всех одоле».

Без всякого сомнения, русское святоотеческое предание покоилось на колоссальном многовековом фундаменте вселенской православной традиции, восходящей своими корнями к апостольским временам. Приняв православную веру из Византии, Русь восприняла и мессианскую традицию восточного христианства. Восприятие себя богоизбранным народом –

«новым Израилем» – вполне укоренившееся в Ромейском царстве, стало для русских людей тем краеугольным камнем, на котором начнет возрастать национальная идея. Столетия княжеских усобиц привели к почти полному исчезновению политического и экономического единства Русского государства. В этих условиях этно-культурная и религиозная общность народа сохранялась только благодаря деятельности Русской Церкви.

Будучи зажатой с двух сторон двумя могущественными и агрессивными соседями, Литвою на западе и Ордою на востоке, в условиях постоянной борьбы с ними за свое существование выковывалось русское мировоззрение и миропонимание. Стержнем его стала православная вера. Духовно родственные Руси православные государства один за другим исчезли в XIV-XV веках. Они стали жертвами кровожадного экспансионизма возвышавшегося Османского султаната.

Казалось, что оставшаяся без каких-либо естественных союзников во всем мире, Русская земля обречена стать добычей или «латинского» Запада, или «басурманского» Востока. Точно в такой же трагической ситуации оказался в то время и тогдашний мировой центр православия – Второй Рим – Константинополь. Но действия предпринятые греками и русскими в похожих условиях оказались диаметрально противоположные. Русские люди сосредоточились на сохранении и защите своей веры, во всей ее «неповрежденной изначальной чистоте» (по выражению книжников того времени), а греки выставили православие на торг с Западом, пытаясь обменять свое полуторатысячелетнее духовное наследие на военную помощь романо-германского мира против турецкой военицины. Однако признав верховенство Рима и католические догматы, т.е. заключив Флорентийскую унию, гибнущая Византия не получила желанной помощи, и была, в решающий момент, брошена лукавыми западными политическими дельцами на произвол судьбы. Не устояв в вере, под натиском «агарян» пал Второй Рим.

Процессы, происходившие в XV веке в Северо-Восточной Руси, стали прямой противоположностью тому, что случилось в это время с Византией. Сохранив православную веру, как смысл и основу своего бытия, маленькое Московское княжество начало свое грандиозное возвышение. В союзе с автокефальной Русской Церковью, за несколько десятилетий Москва из стольного града одного из удельных княжеств преобразовалась в священную столицу объединенного Русского государства. Из неизвестной европейцам «Тартарии», Россия мгновенно превратилась в сильного игрока на политической сцене, с которым желали дружить и иметь экономические связи и римский папа, и германский император, и короли Швеции и Дании. Опоясанная каменными крепостными стенами, воздвигнутыми итальянскими зодчими, в блеске своих соборов и славе своего оружия, Москва уже не просто претендовала на наследие Византии, она уже и была ее воплощенной преемницей, «последним Римом». [41, С. 7-11.]

Оставшись без каких бы то ни было союзников, единственным в мире православным царством, укрепившись и объединившись, Россия, устами митрополита Зосимы, без всякого сомнения, могла воскликнуть, обращаясь к своему государю, как «новому царю Константину нового града Константина – Москвы». Одновременно с возвышением Москвы, исконные враги русских земель на востоке и на западе потерпели сокрушительное поражение: Орда исчезла, развалившись на несколько ханств, в дальнейшем присоединенных к России, а Литва потеряла значительные территории, отвоеванные назад русскими, и погрузившись в полосу политической нестабильности. В сознании жителей Руси возникла простая парадигма: греки – не устояли в вере и были наказаны за отступничество, русские – устояли и были возвышены.

Все это привело к окончательному оформлению единственной национальной идеи великорусского народа, идее универсалистской, а, следовательно, имперской. Эта идея была заключена в простой формуле выдвинутой старцем Псково-Печерского Свято-Елеазарова монастыря

Филофеем: «два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». В чем же квинтэссенция этой теории? Русские люди взирали на свою страну, как на богоизбранную землю. Недаром появилось такое самоназвание державы – Святая Русь. Эта мысль очень хорошо воплотилась в «Повести о белом клобуке». Идея Третьего Рима не экспансионистская теория. Это попытка народа показать всему миру, как надо жить, как хранить истинную веру, как правильно молиться, как поститься, как ходить в храм, как совершать богослужение. По выражению того времени «спасаться». То есть Россия должна была стать примером всему свету в главном вопросе, в созидании благочестия. И, естественно, ключевым моментом благочестия было богослужение, принятое и, как можно более бережно сохраненное в неизменном виде. [37, С. 186-187.]

Однако быть «народом-богоносцем» не сладкий хлеб. На этом пути людей встречает много дел и минимум мирской славы. Это подлинно христианский путь. Сообразуясь с этим, русский человек стремился соблюдать посты и исполнять молитвы по строгим иноческим уставам, украшать свои дома не светской роскошью, а многочисленными иконами. Живя, зачастую, в деревянных домах, жители России стремились возводить, «по обету», церкви и монастыри в камне, и всячески их украшать. Любой храм виделся им прообразом «Горнего Иеросалима», а литургия – «жизнью будущего века». Отсюда и такое благоговейное отношение к иноческому подвигу, отсюда столько явлений чудотворных икон и отсюда такой великий сонм просиявших святых. Но, чтобы сохранять веру, ее нужно было постоянно защищать, чаще всего военным путем.

Регулярные походы и набеги многочисленных иноверных неприятелей на Русь, превратили русских людей в постоянных воинов, готовых с оружием в руках защитить свои святыни. Поэтому иностранцы говорили, что русские лучше всего умеют воевать и молиться. Ведь у России не было ни одного естественного единоверного союзника, значит, дабы остаться самой собой, не будучи поглощенной инорелигиозной и

инокультурной средой, она могла опереться исключительно на собственные силы.

Такое положение оставалось до первой гражданской войны в России – Смутного времени. Сотрясаемая внутренними распрями Русская земля, допустила безнаказанное военное вмешательство иностранцев в свою жизнь. Российская элита и весь правящий класс распались и атомизировали. Перецеловав крест всем возможным самозванцам, и пресмыкаясь перед польскими и шведскими королями, большинство из них забыло о великом призвании страны и народа. Но не забыли простые люди. В союзе с немногочисленными представителями правящего слоя они изгнали поляков из Кремля, очистили Русь от шаек самозванцев и войск интервентов, восстановили единство государственной власти. Из Смутного времени Россия вышла искалеченной, прежде всего, духовно и морально. Народ задался мыслью, как же соблюдая все благочестивые обычаи, мы докатились до Смуты, и кто же нами правит?

Элита, в последовавшие за Смутным временем, десятилетия так и не восстановилась. Большая ее часть была затянута пустой сиюминутной рутинной: мелкой интригой, погоней за чинами и богатством. Другая часть стала с вожделием смотреть в сторону Запада, в тайне желая перенять польские обычаи.

Годы от воцарения Михаила Феодоровича до возвращения из плена будущего патриарха Филарета, были чрезвычайно мрачными в государственной жизни страны. Власть оказалась в руках клики временщиков, состоявших из деятелей или их ближайших родственников, в годы польской интервенции верой и правдой служивших королевичу Владиславу. Единожды встав на путь ренегатства, они априори ненавидели всех тех, кто остался верен национальной государственности, тем самым став для них живым укором. Поэтому первые годы совершенно не самостоятельного царствования Михаила Романова превратились для участников и вдохновителей Первого и Второго Ополчений, среди которых

были подлинными спасителями Отечества князь Д.М. Пожарский и Троице-Сергиевский архимандрит Дионисий, временем горьких унижений и целенаправленной травле. [Подробнее см.: 39.]

Многое изменилось с возвращением из плена Филарета и наставлением его в качестве Московского и всея Руси патриарха. Будучи до польской неволи тем, кто в наше время обычно именуется «человеком широких взглядов», Филарет, воочию видя европейскую жизнь в польско-литовском варианте, и понимая какое положение русским людям уготовили просвещенные круги западного общества, превратился в национально ориентированного великорусского ультраконсерватора. В плену Филарет не терял времени, он скрупулезно собирал и анализировал современную ему религиозную ситуацию на Европейском континенте, политическую расстановку сил в западном мире и внутреннюю жизнь Речи Посполитой. Сосредоточив правительственную власть в своих руках, патриарх Филарет начал проведение масштабной программы, которую можно охарактеризовать как консервативное оборончество. [18, С. 95-108.]

Одной из ее пунктов станет печатное дело. Время от патриаршества Филарета и до начала реформы Никона станет подлинной эпохой Печатного двора России. Количество изданий богослужебной и богословской литературы и их тиражи были столь высоки, что их не смогли превзойти только во второй половине XVIII века. Активно развивается и русская богословско-полемическая мысль. [8, С. 32-33.]

Перед утверждавшейся династией Романовых стояло много проблем, главная из которых, на наш взгляд, был недостаток легитимности. К началу процесса создания единого Русского государства, в обществе сложился взгляд на потомков Даниила Московского, как на единственных и исконных властителей всей России. Довольно ярко эта идея отражена в произведении «Сказание о великих князьях Владимирских Великой Руси». Создание правящего класса – государева двора – с его четкой системой служебных взаимоотношений – местничеством – только закрепило уникальную роль

Московского дома, вокруг которого и строилась вся система иерархии русского общества. Пресечение рода московских царей в Смутное время стало идейно-политической катастрофой тогдашнего российского общества. Попытки боярских родов узаконить свою власть через избрание Земским собором (в случае с Годуновыми) или через ближайшую, по старшинству, кровнородственную близость Московской ветви Рюриковичей (в случае царя Василия Иоанновича Шуйского), не увенчались успехом.

Фантомная боль широчайших слоев общества по угасшей династии и вера народных масс в «доброе царя» породили целую череду самозванцев в России. До конца своих дней царь Михаил держал в присутственном месте грамоту о собственном избрании, да так, чтобы каждый входящий к нему мог ее обозреть. В своих официальных документах он заявлял, что «сидит на престоле дяди своего царя Феодора Иоанновича, и деда своего царя Иоанна Васильевича». Однако свойство, через которое он был связан с последним представителем Калитинового «племени», – не кровное родство, а сомнительное избрание Земским собором, под угрозой казацкого восстания, не порфирородное происхождение. Новая династия нуждалась в новой идеологии, которая даст подлинную легитимацию Романовым на престоле, а посредством этого можно будет выстроить новые отношения с подданными.

В ответ на нестроения русской жизни, вызванные последствиями Смутного времени, возникает движение провинциального, преимущественно, белого духовенства (хотя среди них были, и люди принявшие постриг). В первую очередь это было приходское духовенство. В Московском государстве эти люди не пользовались тем значением и авторитетом, как иночествующие. Порой они избирались из местной среды и считались составной частью сельского или городского «миров». В них видели отправителей богослужения, требоисполнителей, но не наставников к пути спасения. Для любого, даже самого незнатного служилого человека «по отечеству» родство пусть и с кафедральным протопопом было «великим бесчестьем». [59, С. 84-86.] Приходское духовенство практически было

лишено возможности проповедовать; да и начини кто-либо из них это делать, вряд ли собственная паства одобрила бы проповедь. Ведь любое поучительное слово отцов Церкви, читаемое в храме или дома, считалось святым откровением и практическим наставлением к праведной жизни.

Противоположным считалась иноческая жизнь. На монахов взирали, как на «земных ангелов». Перед ними благоговели, их жизни подражали. Слово совершенно не рукоположенного ни в одну духовную степень чернеца, значило больше чем протопопа самого большого собора. Многие аристократы уходили в монастырь на склоне лет. Архиереем можно было стать только «искусившись в мнишеском подвиге». Вся Русь была покрыта сетью крупных и мелких монастырей, их подворий, скитов и отшельнических пустыней. Монастыри были желанной целью паломников, хранителями книжного знания, центрами учености, иконописи и церковной певческой культуры, прообразами райской жизни. Настоятели крупных и авторитетных обителей – архимандриты и игумены – заседали рядом с епископатом на Освященных Соборах, участвуя в управлении Русской Церковью.

Белое же, т.е. не иночествующее, духовенство было полностью отстранено от принятия общецерковных вопросов. Исключением в этом ряду был только царский духовник, пользовавшийся особыми привилегиями.

Если правительство царя Михаила Феодоровича и русские предстоятели - патриархи Филарет, Иоасаф и Иосиф - возлагали главную надежду православной защиты от наступавшего католичества и протестантизма на просветительскую деятельность Печатного двора, то народным продолжением дела построения подлинного Третьего Рима, стала «проповедь протопопов». Наиболее активная часть провинциального белого духовенства выступила с требованием к своим прихожанам, к церковному чиновначалию и власть предержащим с призывом морального обновления русского общества, и, как его высшей точки, сосредоточение на благолепном богослужении, которое надо было петь и читать единогласно. Это было

особенно важно, так как на протяжении долгого времени господствовала порочная практика многогласия, при служении отдельных частей службы.

Делалось это еще возможно и потому, что все бывшее в богослужении, должно было быть вычитано и пропето, без изъятия и сокращения, В этом случае вечерние службы затягивались на пять – семь часов. Ничего нового, по сути, для русского православного сознания в этом призыве не было. Оно полностью отвечало духу построения Святой Руси. Новизна была в том, кто озвучил это требование. Было вполне обыденно, если бы оно исходило от царя, патриарха, архиереев или подвижников из числа «иночествующей братии», но оно исходило снизу, от тех, на кого веками смотрели как на безгласных исполнителей.

Лидером этого движения-протеста стал ученик настоятеля Троице-Сергиева монастыря архимандрита Дионисия нижегородский протопоп о. Иван Неронов. Среди его сторонников приходских попов, дьяконов, протопопов, по разным «городам и весям» государства Российского было немало уроженцев Нижегородчины. [13, С. 74-76.] Они проповедовали и обличали в церквях, они вещали с папертей храмов, они говорили на улицах и площадях. Это движение было возможно именно в то время. Тогда идеал Святой Руси – Третьего Рима был понятен и принимаем, как низами, так и верхами русского общества. Пройдет еще несколько десятилетий и проповедь «жизни по правде» будет бессмысленна. Обличения протопопов мирян в «аморальности», а иерархов в распущенности по-детски были наивны. Их наивность вполне отвечала той простодушной младенческой наивности, в вопросах морали, великорусского общества эпохи Средневековья.

Весь их пафос был направлен на то, что простые сельчане и горожане соблюдают совершенно безобидные, для православной веры, народные традиции: плетут березовые венки на Троицу, качаются на качелях на Пасху, прыгают через костер на Ивана Купалу, гадают на Святки и гуляют на Масленицу. Иерархи обвинялись в распущенности лишь за то, что они не

вели нищенской жизни старцев-пустынников; что жили в каменных палатах, не ходили в залатанных рясах и могли изредка позволить себе званый обед. Уже через четыре десятка лет после этих событий подобного рода обвинения будут просто смешны. Мирян будет нужно удержать не то, что от наивных народных забав, а от тлетворного влияния Запада, от разврата ассамблей и безбожия «всешутейшего собора». Архиереи превратятся в алчных самоуправцев, погрязших в интригах и прожигающих свою жизнь в светской роскоши.

Однако в середине 40-х гг. XVII в. Русь жила иными, духовными потребностями, и строила Третий Рим. На московский престол взошел новый молодой царь Алексей Михайлович. Его духовником являлся благовещенский протопоп Стефан Вонифатьев. Это был интеллектuala своего времени, увлеченный, как и провинциальные протопопы, идеей морального преобразования народа. Сплотив вокруг себя все московские здоровые силы, из числа духовенства, готовые к моральному совершенствованию Церкви и общества, в том числе справщиков Печатного двора, протопоп Стефан наладил прочные контакты с провинциальном священством. С Иваном Нероновым у благовещенского протопопы установились дружеские отношения. Благодаря ему Неронов стал служить в Казанском соборе на Красной площади.

Очень быстро вокруг царского духовника возникает кружок «ревнителей благочестия», московские лидеры которого становятся своего рода штабом всего нового церковного движения России. Кружком ревнителей была выдвинута целая программа морального переустройства Русской Церкви и общественной жизни.

На фоне этих событий проходит становление протопопа Аввакума, как выдающейся личности XVII столетия. Фигуры подобные протопопу Аввакуму возникают только в эпохи величайших бедствий, на сломе времен. В обычное время, скорее всего, это была бы биография начитанного книжника, требовательного приходского священника, любящего главы

многочисленного дружного семейства. Но она была бы одной из сотен тысяч бывших в нашем прошлом, и ее след обязательно затерялся в истории. Только драматические события церковного раскола сделали из сельского батюшки великого подвижника православной веры и знамя русской традиции.

«Рождение же мое в Нижегородских пределах, за Кудмою-рекою, в селе Григорове. Отец ми бысть священник Петр, мати - Мария, инока Марфа. Отец нее мой прилежаше пития хмельнова; мати же моя постница и молитвеница бысть, всегда учаше мя страху Божию». [10, С. 31.] Так начинается основная часть знаменитого «Жития» протопопа Аввакума Петровича, вернее, Петрова, ибо у него, как и у большинства простых русских людей того времени официального отчества не было. Аввакум родился или в 1619 г., или 1620 г., или 1621 г. [3, С. 5.] Такой вывод складывается из косвенных отрывочных упоминаний отдельных датировок событий жизни в произведениях протопопа. Возможно, датой рождения было 25 ноября по старому стилю, так как день пророка Аввакума приходится на 2 декабря. По старому русскому обычаю, младенцам давались имена одного из святых, приходящихся на день их крещения. Крестили же чаще всего на восьмой день после рождения.

Отец будущего протопопа был сельским священником в Григорове. Петр происходил из лиц духовного звания. Аввакум был старшим из его сыновей. В этой семье были и другие дети. Вот как об этом говорит знаменитый французский исследователь жизни огнепального протопопа Пьер Паскаль: «У него были и другие дети мужского пола, девочки в счет не шли, о них в актах гражданского состояния не упоминалось никогда; сыновья же были Козьма, Герасим, еще один и, наконец, Евфимий. Аввакум пишет, что двое из его братьев умерли от чумы в 1654 г.. Евфимий после этой даты больше не упоминается, но Козьма и Герасим еще живы в 1666 г.; следовательно, надо полагать, что был и четвертый брат, но о нем ничего не известно». [40, С. 125-126.]

Судя по последующим событиям жизни, Аввакум рано научился грамоте, и перечитал большое количество церковных книг. Для своего круга он был чрезвычайно начитанным человеком. В 1635 или 1636 году умер его отец. Вдова-попадья с сиротами на руках оказалась в крайне затруднительном положении. Чтобы стать духовным лицом Аввакуму Петрову нужно было жениться. «Изволила мати меня женить. Аз же Пресвятей Богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходить во церковь - имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истощилось. Она же в скудости живяше и моляшеся Богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли Божий тако». [11, С. 59-60.]

Трогательную любовь и уважение к супруге протопоп Аввакум пронесет через всю свою жизнь. Анастасия Марковна станет помощницей и союзницей (как в прямом, так и переносном смысле) протопопа Аввакума на протяжении всей его жизни. Мать будущего протопопа закончила свою жизнь в «иноческом подвиге».

По не совсем понятным причинам, Аввакум, с женой и домочадцами, вынужден был навсегда покинуть Григорово. Семья перебирается в соседнее поселение Лопатищи, возможной причиной стало проживание там его двоюродного брата. К местной церкви Аввакум был поставлен в диаконы в двадцать один год, что на четыре года было раньше канонического срока. [49, С. 44.] Однако, как в Средние века, так и в настоящее время рукоположение совершается часто до положенного канонами возраста.

В 1644 году у иерея Аввакума и его жены Анастасии Марковны родился первый сын Иван. Кроме Ивана у них родятся Агриппина, Прокопий, Корнилий, Афанасий, Акилина, Ксения, еще двое детей, умерших в Сибири. В монографии «Протопоп Аввакум и начало раскола» П. Паскаль очень емко характеризует автора «Жития», как семьянина: «Аввакум является одним из тех редких волевых людей, семейные заботы которого не

мешали его героической деятельности. И к тому же он является редким героем, не пожертвовавшим и семьей ради своего дела. Это обусловливается его исключительной жизненной силой, его обширным умом и его огромным сердцем. Уж это одно должно было бы избавить его от того имени фанатика, которым награждали его некоторые». [40, С. 160.]

Двадцати трех, вместо канонических тридцати лет, дьякон Аввакум был «совершен в попы». Здесь нужно понимать, что кандидатов в приходское духовенство избирали сельские, а, нередко и городские, общины. Если кандидат был достоин, его рукополагал епархиальный архиерей. Но Нижегородский уезд входил в Московскую патриаршую область, а патриархи всея Руси редко нисходили к рукоположению деревенских священников. Да, и протопоп Аввакум нигде в «Житии» не упоминает о том, что видел патриарха до своего прихода в Москву. Скорее всего, его рукоположил кто-то из владык близлежащих епархий или Крутицкий митрополит.

В Лопатищах происходит становление Аввакума как настоятеля храма и духовника большого прихода. Здесь он начинает осознавать свое призвание и размышлять о своем жизненном пути. Его переживания лучшим образом иллюстрирует «сонное видение»: «Вижу: плуют стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сидельцов. И я спросил: «чье корабли?» И оне отвечали! «Лукин и Лаврентиев». Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодне. А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными пестротами, - красно, и бело, и сине, и черно и пепелесо, - его же ум человек не вмести красоты его и доброты; юноша светел на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хочет. И я вскричал: «чей корабль?» И сидя на нем отвечал: «твой корабль! На, плавай на нем с женою и детьми, коли докучаешь!» И я вострепетах и седше рассуждаю: что се видимое? и что будет плавание?». [12, С. 9.]

Уже тогда Аввакум был необычным священником. К нему часто прибегали за помощью, как к человеку, способному изгонять бесов и лечить людей. Будучи искренним человеком, он не отделял свое внутреннее душевное состояние от внешних форм. То есть каждое его действие, как духовного лица было одухотворено и наполнено сакральным смыслом.

Это очень хорошо подметил исследователь его жизни П. Паскаль: «Он стремится вообще к нравам более чистым, к более строгому соблюдению правил и пристойному поведению в церкви, к более сознательному отношению к вере. Эти стремления внушают ему его внутреннее призвание: исправлять и спасать православный народ. Ни одной минуты он не думает спастись только одному: он, несмотря на пример стольких святых, никогда не покинет своей семьи и мирской жизни, чтобы уйти в монастырь. Но нет! Сын попа предназначил себе другое поприще: быть аскетом среди мирской суеты, воинствующим христианином, несмотря ни на какие условия, одновременно братом, супругом, пастырем, апостолом, – действующим словом, делом и пером, – руководителем совести, учителем верующих, постоянно заботящимся о душах паствы, одним словом, – священником в высшем и лучшем смысле этого слова».[40, С. 148.]

Будучи требовательным пастырем и неукоснительным блюстителем церковных и государственных законов, Аввакум вступал в конфликт с гражданским начальством. Особенно возненавидел приходского священника один из местных власть имущих. Этот «начальный человек» отнял у вдовы дочь. В ответ на настойчивые требования попа Аввакума вернуть девушку, он ее отпустил, но выместил злобу на ее заступнике. В течение всей своей жизни, протопоп Аввакум имел частые и острые столкновения с властью предержащими, но никогда не имел глубоких конфликтов с простыми людьми. Более жестокое столкновение было у будущего протопопа с другим более могущественным начальником по имени Иван Родионович. Он бил Аввакума и укусил ему руку до крови, стрелял в него из «пистоли». В итоге Иван Родионович ограбил и изгнал иерея Аввакума из деревни. [21, С. 37-38.]

Молодой священник с семьей отправился в столицу искать правды. Каким-то образом, видимо используя земляческие связи, Аввакум вышел на одного из авторитетнейших боголюбцев протопопа Ивана Неронова. Молодой приходский священник из Лопатищ был представлен Нероновым протопопу Стефану Вонифатьеву и царю Алексею Михайловичу. В Москве сразу оценили потенциал Аввакума. Он вошел в кружок ревнителей благочестия и получил царский указ, с которым вернулся в Закудемский стан. [47, С. 5.]

В скорости с отцом Аввакумом происходит новое несчастье; связано оно оказалось с буквальным исполнением им царского указа и церковных правил. «Приидоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, одново ушиб, и паки ожил, а другого опустил в поле. И за сие меня Василей Петрович Шереметев, пловучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея бритобратца. Аз же не благословил, но от писания ево и порицал, видя блудолюбный образ. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу, и, много томя, протолкали». [42, С. 13.] Даже царская грамота не смогла защитить «горемыку» Аввакума от произвола местных властей. Его вновь изгоняют из прихода в конце 1651 или начале 1652 года.

Вместе со своей семьей Аввакум вновь направился в Москву. Благовещенский протопоп Стефан Вонифатьев настоятельно рекомендовал царю назначить его протопопом в Юрьевец-Повольский. Это был небольшой городок на Волге. Ревностное исполнение патриарших указов, возбудило ненависть к новому протопопу среди духовенства города, что однажды «толпа попов» пыталась его убить. Оставив семью, он тайно покинул город и ушел в Москву. В начале июня 1652 г. юрьевецкий протопоп прибыл в столицу. Остановился он у Ивана Неронова. Прибытие протопопа Аввакума очень опечалило Стефана Вонифатьева, так как это означало пускай местное,

но поражение кружка боголюбцев. Недовольным остался и царь, но никаких служебных «взысканий» за оставление соборного храма не последовало. Более того, протопоп Аввакум сразу же становится в один ряд с наиболее авторитетными участниками кружка ревнителей благочестия. [50, С 58.]

В это время руководство страны и церковные лидеры были заняты кадровым вопросом. 15 апреля, при достаточно странных обстоятельствах, скончался патриарх Иосиф. Русская Церковь готовилась к избранию нового предстоятеля. Ревнители становились ключевыми фигурами в этом вопросе. Но для одного человека патриарший престол стал самоцелью. Это был новый митрополит Новгородский и Великолуцкий Никон (Минин). Он происходил из смешенной русско-мордовской семьи; начал свою жизнь крестьянином села Вальдеманово, расположенного рядом с малой родиной протопопа Аввакума. Постригшись, после семейной трагедии, в монастырь он выдвинулся в игумены. В дальнейшем он познакомился с царем Алексеем Михайловичем и примкнул к кружку ревнителей благочестия. Став «собинным другом» царя, Никон начал свою головокружительную церковную карьеру. [35, С. 198-199.]

Исторической загадкой навсегда останется вопрос: действовал ли он уже тогда, имея в мыслях сверхзадачу – поставить священство выше царства. Вопрос заключается в том, почему царь поставил на Никона? Действительно ли Никон имел на Алексея Михайловича большое влияние, или царское окружение советовало сделать Новгородского митрополита патриархом; или царь уже тогда задумал использовать «вальдемановского мужика» для разрушения всего стоя Церкви?

Вот как описывает избрание Никона протопоп Аввакум: «Стефан духовник, моля Бога и постясь седмицу с братьею, и я с ними тут же, о патриархе, да же даст Бог пастыри ко спасению душ наших; и с митрополитом казанским Корнилием, написав челобитную за руками, подали царю и царице - о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не восхотел сам и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал, и пишет

к нему послание навстречу: «преосвященному митрополиту Никону новгородскому и великолукскому и всеа Русии радоватися», и прочая. Егда ж приехал, с нами яко лис: челом да «здорово!». Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась. Много о тех кознях говорить! Егда поставили патриархом, так друзей не стал и в крестовую пускать». [11, С.64-65.]

Здесь в сжатой форме сказано почти все, но не сказано главное. Никон заставил умолять себя принять патриаршество. Его коленапреклоненно молили царь, весь Освященный Собор, «синклит» и народ. Это был невиданный поступок для архиерея; поступок в стиле Бориса Годунова. [43, С. 197.]

Протопоп Иван Неронов, проникнувшись к Аввакуму большой привязанностью, устроил его в свой Казанский собор на Красной площади вторым протоиереем. Благодаря этому Аввакум сумел наконец-то перевезти свою семью в Москву. Среди прихожан собора были люди как простые, так и знатные. Протопоп Аввакум, ввиду большой занятости Неронова, нередко сам возглавлял богослужение. У протопопа появилось много духовных детей. Призвание проповедника сделало его популярным человеком в боярской среде. У протопопа появились высокие покровительницы из царской семьи: царевна Ирина Михайловна, старшая сестра царя Алексея и царица Марья Ильинична, жена самодержца.

В 1653 г. начинается новый период не только в жизни протопопа Аввакума, но и в истории России. Он связан с церковной реформой патриарха Никона. Широко распространено мнение в около-исторических «трудах», что якобы реформа XVII в. проводилась с целью исправления ошибок и описок, вкравшихся в богослужебные тексты с течением времени. Но мнение это весьма далеко от истины. Сравнение текстов богослужебных книг – с одной стороны иосифовской, иосафовской и филаретовской печати, и пореформенных – не оставляет сомнений в правильности старопечатных книг. Сравнение текстов приводит к удручающему выводу: новые тексты

значительно уступают по доброкачественности старым, поскольку, в результате так называемой правки в текстах появилось огромное количество погрешностей разного рода и даже ошибок (грамматических, лексических, исторических, догматических и пр.). [27, С. 17.]

Каждое историческое событие, а уж тем более историческое явление такого масштаба как церковный раскол, имеет свои причины. Они могут быть комплексные, могут быть объективные и субъективные или только субъективные, но они наличествуют всегда. Если откинуть миссионерский бред, неоднократно, многочисленными объективными исследованиями авторов, принадлежавших и принадлежащих, между прочим, к Русской Православной Церкви, опровергнутый, об ошибках в старых текстах или «прогрессивной роли» Никона, то вырисовывается на историческом фоне определенный образ закулисных механизмов церковной реформы. Вместо теории церковно-государственного официоза XVIII-XIX вв. заняла теория, по которой основное место реформатора отводилось царю Алексею Михайловичу, который, руками «недалекого» бывшего патриарха Никона, провел грекофильскую реформу Церкви.

Следовательно, реформа была нужна либо для того, чтобы упростить вхождение малороссийских территорий в состав Московского государства, либо, решая восточный вопрос, – освобождение христианских народов, страдающих под турецким игом – разгромив Османскую Порту, в ходе войны, воссесть на престол византийских василевсов, став, тем самым, всеправославным государем.

Думается, такой подход довольно умозрителен. Начнем с того, что ни в XVII в., ни в последующих веках российские правительства не собирались считаться с религиозными чувствами своих старых или новых православных подданных. Если в отношении других религий, в том числе инославных христианских исповеданий, русские власти готовы были соблюдать политику невмешательства в молитвенную и бытовую часть жизни народов, то православным такой скидки не делали. Православные воспринимались, как

безраздельная собственность над телами и душами, принадлежавшие русскому монарху. Присоединив греческие поселения Причерноморья, христианские народы Северного Кавказа, Бессарабию или Грузию, имевшие до присоединения целое тысячелетие собственных традиций ортодоксальной веры, русские монархи подходили к конфессиональным чувствам своих новых православных подданных с той же тактичностью, с какой, в соответствии с поговоркой, слон к содержимому посудной лавки. Православие там подверглось жесткой и бескомпромиссной русификации, часто с применением массовых репрессивных действий.

Спрашивается: в чем же была уникальность малороссийских казаков и крестьян, что ради них русские цари готовы были перестроить весь идейный строй своей державы? Точно также и в отношении христианского населения Османского султаната. Если бы Алексей Михайлович желал на деле, а не на словах решить восточный вопрос, его внешняя политика имела бы совершенно другой вектор. Будущая Палестинская миссия российских императоров показала, что даже в либеральном XIX веке русские церковные и светские власти не желали считаться с чувствами и обычаями христиан Востока. Желай в действительности царь стать новым ромейским василевсом, он скорее русифицировал бы весь Восток, чем подстроился под своих новых подданных.

Разбирая внутреннюю обстановку в России накануне церковной реформы и хитросплетения политической жизни, автор приходит к осознанию подлинных причин произошедших драматических событий. На фоне кризисных социально-политических явлений, вызванных Смутным временем, о которых писалось выше, и цивилизационного вызова стоявшего перед Россией, возникают две программы движения государства. Первая была предложена патриархом Никоном, вторая – царем Алексеем Михайловичем. На этом не заканчиваются альтернативы выхода из ситуации (например, была боголюбческая, старообрядческая, казачья, стрелецкая и др. альтернативы), но реальные властные полномочия исполнить свои замыслы

были только у двух первых сил. Почему же все политические поползновения вращались вокруг Русской Церкви?

Это произошло потому, что для русского народа сердцевиной его самости и смыслом жизни была православная вера. Тем самым любые политические новации могли осуществляться, первоначально преломляясь через веру.

Начнем с альтернативы патриарха Никона. Патриарх Никон заимствует у католической Церкви теорию о примате власти папы над государями Запада, в применении к православию и России. Так развилась идея о том, что Церковь выше государства и патриарх выше царя. Сам Никон говорил, что патриарх – солнце, а царь – луна, как солнце освещает луну, так Церковь своей властью - власть царскую. Такой папоцезаризм не был характерен ни для России, ни для Византии. Подражая римскому понтифику, патриарх требует несения перед собой креста на манер римского папы, делает себе шляпу на манер кардинальской, башмаки украшает крестами (как у «наместника апостола Петра»), митры его имеют вид то тиары, то короны. Тем самым, Никон пытался реализовать проект не просто теократического государства, а системы, при которой весь военно-государственный аппарат во главе с царем, превратился бы в служанку патриарха. [38, С. 139-141.]

Для оправдания своей тяги к небывалой патриаршей власти Никон начинает проводить обрядовую реформу. Эта реформа была не продумана и не последовательна. Причина этому проста. Реформа – не самоцель Никона; она лишь способ кардинально изменить общественно-политическую ситуацию, попросту взорвать ее. Главное – заставить, убежденное в собственном мессианстве, русское общество, сверху донизу, усомниться в правильности своего развития; так как в сложившейся системе координат, новым полномочиям патриарха неоткуда было появиться.

Другие цели реформой Церкви преследовал царь Алексей Михайлович. Особенно это станет видно во время и после Большого Московского собора 1666-1667 гг., осудившего и проклявшего весь

многовековой русский путь. Почему же грекофильская реформа обряда, а по сути, разрушение Русской Церкви и коррозия русского национального сознания, была так необходима царю Алексею Михайловичу? Все просто. Новой романовской монархии не был нужен особый русский путь, ибо данное учение было заточено под другую, угасшую династию. Романовым такое учение ничего не давало. Им не нужен был «Новый Израиль» - Святая Русь со своим религиозно-национальным самомнением.

Царям из новой династии нужно было учение не о народе-богоносце, а о монархе, как светоче истины среди убогого и непросвещенного народа. Отныне государственная идеология заявляла, что русские вовсе не пример всему миру и не хранители православия. Русский дух, по мнению идеологической обслуги трона, это лишь ошибки в вере, темнота и безграмотность. У остального мира Россия все время должна чему-то учиться и что-то перенимать, а порукой этой учебе и убогому копированию станет воля самодержца. Мнение государя отныне мерило правильности жизни.

Русское правительство, сделав ставку на реформированное православие, будет стремиться втиснуться в «концерт» европейских монархий. То есть, принадлежа к одной цивилизации, Россия пыталась войти в другую цивилизацию. Это вызывало культурную сшибку и мировоззренческое уродство. Существует некий идейный штамп, когда касаются деятельности Петра I – «Новая Россия рождалась в муках». При этом забывается, что эти «муки» не были муками рождения новой жизни, а муками возникновения горба, в данном случае на теле Российской страны.

Поразительно, как все реформации сверху похожи друг на друга. Так, русская реформация чрезвычайно похожа, как по задумкам, так и по воплощению на английскую реформацию. Реформа в Англии и России служила одному: укреплению правящего дома. И там и тут, на престолах сидели молодые люди, вторые по счету в своих династиях. И Генрих Тюдор и Алексей Романов были религиозными фанатиками в молодости, и эпикурействующими сластолюбцами в конце жизни. Изувечив души своих

подданных, они вовсе не укрепили свои династии, т.е. не добились своих целей. Тюдоры исчезнут на детях Генриха, Романовы – на правнучке и внучке Алексея. Своими неразумными действиями они оба откроют дорогу к своим тронам чужеземным династиям.

Вестернизационные реформы Петра I не были ни началом, ни завершением, а, лишь, логическим продолжением процесса начатого Алексеем Михайловичем с церковной реформы. Служилое сословие больше не было ни родами, ни территориальными корпорациями, одним концом связанные службой с царями, другим концом привязанные к родственникам и конкретным уездам, где во главу угла ставилось не карьеризм, а будущее положение рода или отстаивание интересов земляков. Отныне дворянство превратилось в скопище индивидуалистов-чинодралов. [19, С. 32.]

В имперский период разговор в дворянской среде об истинном православии или о спасении души был просто неуместен (конечно, были исключения, но великосветское общество смотрело на таких, будто они «не от мира сего»). Да, и когда им было об этом думать, если все мысли были заняты получением орденов, чинов, должностей, желанием новых земельных пожалований. За двести пятьдесят лет среди дворян жизнь в монашестве закончили единицы. При внешнем соблюдении предписаний православной веры, многие из них стали равнодушны к православию, нигилистичны; другие состояли в тайных обществах и заговорщицких сектах.

Рассуждая о церковной реформе нельзя обойти вопрос исторического развития православного богослужебного обряда у греков и русских. Здесь следует раскрыть вопрос о противоречиях в церковном обряде между русскими и греками. В историографии греко-русской Церкви господствовало мнение, будто бы Русская Церковь уклонилась от греческого образца и развила свои местные особенности. Эта же нелепица вошла в работы многих дореволюционных и отдельных советских историков. На самом же деле, как это было выяснено еще в XIX в. даже такими

авторитетными историками Русской Церкви как Е.Е. Голубинский и Н.Ф. Каптерев, эти разногласия развивались совершенно иначе. Для того чтобы понять суть богослужебных различий, следует провести экскурс в историю византийского обряда.

Изначально христианская литургика складывалась как система местных преданий, связывавшаяся обычно с именем того или иного апостола, проповедовавшего в этой местности. К III – IV вв. выделяются наиболее авторитетные христианские Церкви, богослужение которых становится обязательным для провинций, административно связанных с этим центром. Так, выделяются школы литургики как александрийская, антиохийская, каппадокийская, палестинская, синайская и т.д. Однако здесь следует рассмотреть историю обряда Константинопольской Церкви по двум причинам: во-первых, именно этот обряд станет преобладающим в православной Церкви; и во-вторых, византийский обряд был заимствован Русской Церковью.

Первоначально Константинополь входил в сферу церковной юрисдикции Антиохийского архиепископа, поэтому наиболее древние пласты византийского богослужения были именно антиохийские, а также каппадокийские, так как отдельные каппадокийцы становились столичными архиереями. Наибольшее влияние на обряд Константинопольской Церкви оказали: св. Василий Великий, св. Григорий Богослов и св. Иоанн Златоуст. Деятельность последнего привела к оформлению подлинно константинопольской литургии. В начале V в. в Константинополе зародился «обряд Великой церкви», распространявшийся затем по Малой Азии и Балканам. Название происходит от того, что он являлся в первую очередь обрядом главной святыни Константинополя – собора Св. Софии.

При этом параллельно обряду Великой церкви, как городскому богослужению, развивается монашеский обряд обители Неусыпающих. К временам правления василевса Юстиниана Великого обряд Великой церкви становится «имперским», что дало толчок к его дальнейшему упорядочению.

Упрощаясь и видоизменяясь, этот обряд просуществовал до середины XV в. несмотря на то, что после латинского завоевания 1204–61 гг. был вытеснен на периферию церковной жизни.

Начиная с арабского завоевания, византийский обряд начинает развиваться независимо от других богослужбных школ, а затем начинает сам оказывать влияние на остальные поместные православные Церкви. Серьезным испытанием для Церкви и обряда стало движение иконоборчества. Поражение иконоборцев, в значительной степени, произошло благодаря св. Федору, игумену Студийского монастыря. Студиты, то есть иноки Студийской обители, создали новую редакцию литургии Иоанна Златоуста, вытеснившую литургию Василия Великого в подвижный календарный цикл. Определенные изменения коснулись и служебного Псалтыря и Евхологиона (т.е. Молитвослова). Однако здесь следует заметить, соборно-приходское богослужение Византии было намного более консервативно, нежели монастырское. Поэтому изменения в обряде происходили либо так медленно, что оно было незаметно для большей части верующих, либо случалось после крупных социальных потрясений или еретических движений, которые поколебали стройные основы литургии.

Параллельно с константинопольской традицией развивается палестинская традиция монастыря Св. Саввы в Иудейской пустыне. В то время основной палестинской литургии стали поэтические песнопения. Часть монахов савватийцев была приглашена в Студийский монастырь. При создании Студийского устава произошел синтез обряда Великой церкви и палестинских черт. Теперь это вошло в студийский Типикон, получивший распространение повсеместно. Именно он был переведен св. Феодосием Печерским для Русской Церкви. С утверждением в Константинопольском патриархате, после победы над иконоборчеством, монашества сказалось на церковной эволюции. Господствующее положение заняли городские монастыри, тесно связанные с соборным приходским духовенством. Если богослужение IV – VII вв. было основано на городских шествиях, то

монастырское богослужение носило затворнический характер, будучи ограничено зданиями монастыря.

С введением Студийского устава, обряд замыкается в основном в пределах церкви и прилегающей к ней территории, что и удерживается до сегодняшнего дня всеми православными Церквями. В то же время Студийский устав являл собой счастливое сочетание соборного и монастырского богослужения. Именно в студийскую эпоху был разработан окончательно внутренний вид храма, став помпезно православным. Студийский устав был наиболее приемлемым и тем, что мог наравне использоваться в доме, монастыре, сельской местности и городе. Это действительно важно, так как предыдущий обряд Великой церкви сложился в специфических условиях позднеантичного полиса и был характерен именно для городов.

В период латинского завоевания положение изменилось: белое духовенство было не в состоянии поддерживать чинопоследования Великой церкви и согласилось на следование монашескому богослужению. Упадок монашества Малой Азии, связанный с сельджукским, а затем османским наступлением, и столичного монашества – со взятием Константинополя, привел к смещению монастырского центра в Грецию, прежде всего к Св. Горе Афон. Отныне в делах Церкви всеобъемлющую роль стали играть агиориты (т.е. святогорцы). Студийский устав мало подходил трудному положению афонского иночества и туда начал проникать Ново-Савватийский устав из Иерусалима.

Господствующим богослужением Иерусалимской церкви до XI в. был Святогробский обряд, который потерял свое значение после разрешения в 1009 г. халифом аль-Хакимом Храма Гроба Господня. К этому же времени приходит в упадок старое Савватийское богослужение и монахи лавры св. Саввы синтезируют общепалестинские, савватийские черты и черты византийского богослужения. Первым кто адаптировал Иерусалимский обряд для византийского богослужения, стал св. Никон Черногорец. В конце XIII в.

Типикон св. Саввы стал приобретать популярность. Причины этого явления не вполне ясны. Святитель Симеон Солунский указывал, что это произошло благодаря чрезвычайной простоте и краткости в богослужении, меньшей строгости монашеского стиля, что характерно для периода упадка и расстройтва, когда Великая церковь не могла больше поддерживать блеск прежнего соборного обряда Святой Софии, а монашество стало менее строгим, нежели в период становления студийских монастырей.

Окончательным утверждением, как византийского обряда, Ново-Савватийский устав обязан Филофею, игумену Великой Лавры на Афоне. Борясь за утверждения исихазма, Филофей возвел в догму Ново-Савватийское богослужение. Так как Вселенский престол в XIV – XV вв. находился в руках исихастов, Ново-Савватийский устав утверждается как господствующий в православной Церкви. К концу XIV в. на Афоне был вытеснен Студийский обряд. В течение XV в. практически повсеместно на Балканах и в Малой Азии утверждается Ново-Савватийское богослужение. Старые студийские формы если и встречались еще, то были уже редкими исключениями. [Подробнее смотри об эволюции греческого богослужения: 48.] В конце XIV в. митрополит Киприан начал изменять Студийский устав в Русской Церкви на Ново-Савватийский. Любое вмешательство в молитвенную жизнь православия для жителей Руси было болезненным. Бережливость русских людей к литургическому наследию обернулась тем, что Ново-Савватийский или Иерусалимский богослужебный устав был дополнен всем тем, что содержалось в Студийском и Великой церкви уставах. Получалось так: все дополнялось, но ничего не выкидывалось.

Вот как описывает протопоп Аввакум начало церковной реформы: «В памяти Никон пишет: «год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились». Мы же задумалися, сошедшеся между собою; видим, яко зима хочет быти; сердце озябло, и ноги задрожали». [10, С. 36.] Видимо Никон не обдумал начало

реформы, так как коснулся самых видимых элементов обряда, чем однозначно вызвал недовольство верующих.

Сам патриарх старался выглядеть по-гречески. В Русской Церкви была введена греческая ряса с широченными рукавами. Русский монашеский клобук, повторявший древнехристианскую округлую форму, в том числе и белый патриарший клобук с херувимом - вещественный символ чистоты русского православия и святости Руси - был заменен цилиндрическим новогреческим, вошедшим в обиход Константинопольской православной Церкви в середине XIV века. Была изменена форма архиерейского посоха. Костыль святителя Петра был заменен на греческий жезл с двумя змеями. Изменения коснулись даже крестного хода. Если прежде храм обходили по часовой стрелке – посолонь – то, в соответствии с новогреческой традицией стали обходить против. В Иисусовой молитве, в новопечатных книгах, привычная формула «Сыне Божий» была заменена на «Боже наш». Изменилась и форма перстосложения при иерейском и святительском благословении. В Русской Церкви благословляли двуперстно, в греческом обиходе было имянословное сложение, которое московские верующие презрительно прозвали «Малаксой». [31, С. 340.]

Позиция патриарха Никона подрывала авторитет Русской Церкви, которая в течение последних двух столетий считала себя хранительницей истинного православия. В 1654 г. был созван церковный собор, от которого патриарх угрозами добился признания необходимости правки книг. Против этого выступил епископ Павел Коломенский и Каширский, лично избитый Никоном и лишенный кафедры. Несмотря на то, что собор решил вершить правку по старым славянским и греческим книгам, патриарх отдал распоряжение Печатному двору приступить к исправлению книг по новогреческим и униатским молитвенникам. [45, С. 336.]

Заметив, что в восьмом члене Символа веры греческое слово «κύριος» переводилось русскими как «Господь истинный», Никон, опираясь на мнение религиозного авантюриста, поставленного новым патриархом во главе

справщиков, Арсения Грека, не запрашивая соборного решения, приказывает исключить из Символа веры слово «истинный». Хотя известно, что «κύριος» переводится и как «Господь», и как «Истинный». Русскому языку так же отказывалось в праве на собственные формы слов, ему навязывались грецизмы, наиболее видимым примером было написание имени Иисус, через две "и", а не как в славянском варианте через одну (Исус). Изменился порядок литургии. Так служить стали на пяти, а не семи просфорах; полностью на новый лад стала печать на просфорах и порядок извлечения частиц.

Произошла и определенная латинизация обряда. «Равночестным» с осьмиконечным признавался и четырехконечный католический крест, началось пение трегубой аллилуйи, а не сугубой, как прежде. Были отменены земные поклоны на молитве св. Ефрема Сирина, которая чаще всего читается в Великий пост. В марте 1655 г. Никон уже публично выступает против старинного русского перстосложения. В неделю Торжества Православия он попросил по этому поводу высказаться патриарха Антиохийского Макария. Угождая Никону и царю, Макарий подтвердил через переводчиков, что на Востоке крестятся тремя перстами.

Крестное знамение, как символ религиозного исповедания христиан, возникло во времена апостольской проповеди. Хотя оно, как многие другие предания Церкви, не имеет письменной истории, все же имеются отдельные свидетельства об эволюции перстосложения как в памятниках письменности, так и в произведениях искусства.

Из-за определенной слабости источниковой базы к началу XX в. среди историков Церкви сложилось мнение, что начальной формой перстосложения было одноперстие, которое в борьбе с монофизитством заменилось двуперстием, а это последнее трансформировалось в троеперстие, которое и осталось господствующим крестным знамением в Греческой Церкви. Данная теория страдает историческими неточностями и привязками, замеченными еще дореволюционными исследователями.

Для исследования вопроса о двуперстии в первые века христианства, необходимо коснуться памятников христианского искусства. Свидетельства о том, что первохристиане пользовались двуперстием видно из фресок римских катакомб, относящихся к II в. н.э., а также на памятниках IV в. н.э. - саркофагах, диптихах и статуях. Справедливость нашего заключения подтверждают и греческие толкователи правил – составители греческой Кормчей книги - Пидалиона, изданного в 1841 г. в Афинах, которые в своем примечании к 91-му правилу святителя Василия Великого так говорят: «Древние христиане иначе слагали персты для изображения на себе креста, чем нынешние, т.е. изображали его двумя перстами – средним и указательным, как говорит св. Петр Дамаскин: «Вся рука - говорит Петр - означает единую Ипостась Христа, а два перста – два естества Его»». [Цитируется по 22, С. 216-217.]

Возмущает то, что греки были прекрасно осведомлены о древности и православности двуперстия и давнем бытовании у армян троеперстия, в угоду собственному чванству, утверждали перед русскими, что те будто бы «держат арменскую ересь» в крестном знамении.

V – IX вв. дают самое большое количество иконографического, фрескового и мозаичного содержания в пользу употребительности двуперстия. В то же время, отколовшееся в этот период течение монофизитов, для большей выразительности своего исповедания переходит на одноперстие (как сирийцы, так и копты) или троеперстие (как армяне). [Подробнее см.: 4]

Крупнейший дореволюционный исследователь церковной реформы Н.Ф. Каптерев, в своей монографии «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» приводит любопытную цитату: «Важное свидетельство об употреблении греками двуперстия в крестном знамении принадлежит несторианскому митрополиту Илье Гевери, жившему в конце IX и в начале X вв., желая примирить монофизитов с мелхитами, как обыкновенно сирийцы, несториане и монофизиты называли православных, и с несторианами, он

говорит: «В согласии веры между несторианами, мелхитами и яковитами: что они не согласны между собою в изображении креста, что, конечно, не важно. Яковиты (сирийцы), осеняя себя одним перстом слева направо, означают этим, что веруют в единого Христа – привел искупленных от греха (слева) к благодати (направо). Несториане и мелхиты, изображая крест в знамении двумя перстами, справа налево, исповедуют этим свое верование, что на кресте Божество и человечество были вместе соединены, что это было причиной нашего спасения и что вера началась с правой стороны, а неверие, заблуждение прогнаны с левой». [16, С. 184.]

К 1029 г. и 1172 г. относятся решения Константинопольских соборов о непременном использовании двуперстия.

Изменение перстосложения в Византии стало возможным только тогда, когда границы этого государства чрезвычайно сузились, а греки оказались отделены сельджукскими владениями от центров монофизитства на Востоке: Сирии и Армении. Отсутствие необходимости для греков ежедневного видимого, в том числе в крестном знамении, свидетельства православной догмы двух природ в Спасителе, привела в начале к параллельному существованию в греческом обряде двух способов перстосложения, а к началу XVI века, полному торжеству троеперстия. Почему же все-таки следует утверждать о длительном сосуществовании двух вариантов «креста» на христианском Востоке, ведь у православного населения Литвы замена прошла незамеченной и едва ли растянулась больше чем на тридцать лет. Вступавшие на первосвятительский престол Руси греки-митрополиты в XIV в. не видели никаких национальных особенностей в двуперстии, осознавая его как повседневную практику Константинопольской Церкви. То же можно сказать, основываясь на сочинениях преподобного Максима Грека, знатока константинопольской традиции.

Думать, что реформы Никона – это только копирование новогреческих образцов, значит глубоко заблуждаться. Разогнав всех справщиков Печатного двора способных, как на свободное владение

византийско-греческим языком, так и на талантливое, а, главное, догматически правильное изложение на старославянском, патриарх обрек свою «справу» на грамматические и лингвистические несуразности, постоянную отсебятину, а, следовательно, вечные метания, в безуспешном и судорожном поиске магистрального пути переложения текстов. Другое дело, что патриарх Никон и не был заинтересован в качественной работе, поэтому Печатный двор и превратился в приют чужестранных авантюристов и беззастенчивых карьеристов. [О самом печально известным из них, смотри: 17, С. 777-803.]

К тому же патриарх Никон ввел в богослужение партесное пение. Это пение было неизвестно ни греческому богослужебному строю, ни его прямому наследнику русскому распеву. Партес пришел из латинского богослужения Италии XVI века, где не стал господствующей традицией. Через католическую Польшу он стал основным в униатских службах. Так как православное духовенство Малороссии находилось, с момента своего восстановления, в XVII веке под сильнейшим влиянием греко-католичества, партесное пение стало основным в киевском богослужении. Чтобы длительно и скрупулезно не анализировать всю программу «порчи» книг осуществленной при Никоне приведу на суд читателя несколько одиозных примеров бурного творчества никоновских «справщиков».

Приведем старый и новый тексты, для сравнения. Старый текст молитвы из чина крещения младенцев: «Запрещает ти, диаволе, Господь наш Иисус Христос, пришедый в мир и вселивыися в человецех». Новый текст: «Запрещает тебе Господь, диаволе, пришедый в мир и вселивыйся в человецех». Кошунственность текста сразу бросается в глаза, а ведь это таинство крещения. Из ектений на освещение воды в праздник Богоявления. Старый текст: «о еже быти воде сей приводящей в жизнь вечную». Новый текст: «о еже быти воде сей скачущей в жизнь вечную». Сравним тексты воскресного канона 4-го гласа. Песнь 1-я, ирмос. Старый вариант: «Моря Чермнаго пучину, немокрыми стопами, древле шествовав Израиль,

крестообразно моисеовыма рукама, амоликову силу в пустыне победил есть». Новый вариант: «Моря чермную пучину невлажными стопами древний пешешествовав Израиль, крестообразныма моисеовыма рукама, амоликову силу в пустыне победил есть».

Во-первых, заметна ошибка «чермную пучину», такая же абракадабра, как если бы писали «моря каспийскую пучину». Во-вторых, в выдуманном слове «пешешествовать» допущена тавтология – шествуют всегда пешими. В-третьих, «крестообразныма моисеовыма рукама» даже страшно представить. Известно, что Моисей руками изобразил крест, но руки у него были нормальные, а вовсе не крестообразные. [26, С. 32, 36-37.]

Видимо, близок к истине был протопоп Аввакум писавший: «Печатай, Арсен, книги как-нибудь, лишь бы не по-старому, так су и сделал». Макарий Антиохийский говорил своему племяннику архидиакону Павлу Алеппскому, видя, что Никон в своей реформе уходит уже далеко даже от греческих оригиналов и заводит смуту в Церкви: «Бог да даст ему чувство меры». [23, С. 172.]

Прекрасным показателем книжной «правки» является эпизод с афонским архимандритом Дионисием, который будучи в Москве рассмотрел новый Служебник и «на странице написал своею рукою на обличение тоя неправыи книги словеса бранные, зде писати неприличные». Относительно же Служебника 1658 г., с указанием, что чин литургии дается по уставу Константинопольской Церкви и «Святой Горы», тот же Дионисий написал о своем несогласии с текстом: «не хочу лгать на Великую Церковь и на святую Гору Афонскую». [44, С. 54.]

В начале церковной реформы большинство боголюбцев находилось в Москве. Чтобы противостоять «Никоновым новинам» нужен был вождь, но тогдашний руководитель кружка ревнителей благочестия протопоп Стефан Вонифатьев на эту роль не годился. Привыкший действовать через царя, и понимая, что Алексей Михайлович ориентируется все больше на политику нового патриарха, он решил отойти от дел, приняв иноческий постриг.

Протопоп Иоанн Неронов думается, был больше морализатором, а не борцом за веру. Его заточат в монастырь, а через несколько лет он примирится с Никоном. Таким образом, на первый план противников реформы выходит протопоп Аввакум.

Если Неронов, передав управление приходом протопопу Аввакуму, затворившись на неделю в Чудовом монастыре ожидал Божьего гласа, то юрьевецкий протопоп с протопопом костромским Даниилом составили челобитную в защиту крестного знамения и подали ее царю. [51, С. 50.] Государь переслал ее Никону. Московский патриарх, получив челобитную боголюбцев, решил действовать осмотрительнее. Он понял, что возвысить свою власть в России, посредством реформы Церкви можно будет только тогда, когда кружок ревнителей будет разгромлен, а его члены лишатся своих должностей. При этом ревнителей благочестия требовалось очернить в глазах массы православных верующих. Отстранение членов кружка от должностей за стояние за веру, придало бы им только авторитет в глазах прихожан. Никон решился расправиться с ними поодиночке; но обвинения не должны были касаться богослужебной стороны или богословской догматики, они сосредотачивались исключительно на дисциплинарных вопросах. Так запрещенными «в служении» или лишенными сана, или заточенными в дальние монастыри оказались большинство наиболее значимых боголюбцев, включая о. Ивана Неронова.

Обстоятельства, с которых начались злоключения протопопа Аввакума, были следующие. Шел август 1653 года. Положение протопопа в Казанском соборе на Красной площади было неопределенным. Видимо никакого официального назначения его в клир собора не существовало. Это была лишь воля Неронова, уже заточенного патриархом. Окружение Никона подговорило соборных клириков, не давших Аввакуму служить в храме. С наиболее верными духовными «чадами» Неронова протопоп Аввакум решил отслужить вечернюю службу в сушиле – сарае для сена, - который находился на участке настоятеля собора. К концу моления явился патриарший боярин

со стрельцами. Участники службы, в количестве нескольких десятков человек, были арестованы и отправлены на Патриарший двор. Все они будут, впоследствии, отлучены от Церкви и сгинут в заточении. Несмотря на то, что протопоп был облачен в епитрахиль, его жестоко избили. [20, С. 43-44.]

Вот как сам протопоп Аввакум описывает последовавшие за этим события: «Егда ж россветало в день недельный, посадили меня на телегу, и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря и тут на чеши кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чеши, не знаю на восток, не знаю на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Бысть же я в третий день приалчен, сиречь есть захотел, и после вечерни ста предо мною, не вем ангел, не вем человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и лошку в руки дал и хлебца немношко и штец дал; похлебать, зело прикусны, хороши! и рекл мне: «полно, довлеет ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только - человек; а что ж ангел? ино нечему дивитца - везде ему не загорожено.

На утро архимарит с братьею пришли и вывели меня; журят мне: «что патриарху не покорисься?» А я от писания ево браню да лаю. Сняли большую чепь да малую наложили. Отдали чернцу под начал, велели волочить в церковь. У церкви за волосы, дерут, и под бока толкают, и за чепь торгают, и в глаза, плюют. Бог их простит в сии век и в будущий: не их то дело, но сатаны-лукаваго... Сидел тут я четыре недели». [10, С. 37.]

Кроме того, протопопа неоднократно унижали на допросах, а 1 сентября Никон уведомил Сибирский приказ о ссылке Аввакума Петрова с женой и детьми в Якутск. На 15 сентября было назначено лишение его духовного сана в Успенском кафедральном соборе. Этой процедуре уже подверглись многие боголюбцы. Ревнителю сопротивлялись, как могли. Они в соборе проклинали Никона, обличали его «затейки» и плевали ему в глаза.

У Аввакума оказалось много высокопоставленных защитников. Они воздействовали на царя. Алексей Михайлович публично заступился за протопопа. Патриарх Никон не решился на этот раз, на конфликт со всей московской элитой. «Не стригши» отвели Аввакума в Сибирский приказ. [33, С. 43.]

Царским указом место дальнейшего служения протопопа Аввакума определялся Тобольск – столица Сибири. Об этом был заранее уведомлен местный архиепископ Симеон. На тот момент Симеон не вводил никаких новых обрядов в своей епархии, не приобретал изданных никоновскими справщиками книг и продолжал политику боголюбцев. Известный в столице проповедник протопоп Аввакум был для «новопросвещаемой области» желанным приобретением. [34, С. 128.] Все изменится до неузнаваемости в Тобольске через десять лет: и архиерей начнет чудить, и воеводы будут совсем другие. Пока же главной характеристикой церковной и общественно-государственной жизни главного города Сибири была «тихость». Первым делом по прибытию в Тобольск, протопоп Аввакум был отправлен к главному сибирскому воеводе – князю Василию Ивановичу Хилкову, человеку непритязательному. Другим воеводой был Баим Федорович Болтин – дипломат, военачальник и талантливый историк.

Из воеводских палат, уже свободным человеком, Аввакум был отправлен на владычный двор, где был ласково принят Симеоном. Протопоп Аввакум получил должность настоятеля Вознесенского собора, второго по значимости в Сибирской епархии, после кафедрального. Здесь Аввакума догнал весьма ценный подарок – роскошная риза от его почитательницы царевны Ирины Михайловны. В Тобольске протопоп продолжил борьбу с обычными, для этой отдаленной и новоприсоединенной к России страны, пороками: пьянством и прелюбодеянием. Будучи настоящим знатоком канонического права и святоотеческого предания протопоп Аввакум стал истинным помощником тобольского архиерея. Сибирский владыка поручал опальному протопопу расследовать важные и спорные дела. [52, С. 57.]

К несчастью для протопопа архиепископу Симеону было приказано явиться на Освященный Собор Русской Церкви. Почти весь 1654 год он отсутствовал в епархии. В его отсутствие всеми делами заправлял редкий мздоимец дьяк Иван Струна. Попытка протопопа Аввакума оградить людей от произвола дьяка стоила ему дорого. Бандитскими методами дьяк держал в страхе весь Тобольск, включая и воеводскую администрацию. Неоднократно Струна с подручными пытался убить Аввакума. На счастье протопопа в Тобольск из Москвы вернулся архиепископ Симеон. Он разобрал дела и предал Ивана Струну суду. Однако тот, как ловкий приказный человек, успел отправить на протопопа Аввакума «изветы» в Москву, а чтобы избежать архиепископского осуждения «сказал слово и дело государево». Тем самым следствие уже должны были вести центральные власти.

Донос дьяка возымел действие. Патриарх Никон, будучи по натуре человеком мелочным и мстительным, ухватился за злобный навет, как за повод окончательно расправиться с видным противником. Запретив протопопа Аввакума в служении, Никон повелел без промедления сослать видного боголюбца с его семьей в Якутск. 27 июня 1655 года патриарший указ был доставлен на Тобол, а уже 29 июня протопоп Аввакум с домочадцами «за приставы» был выслан в Енисейский острог. Здесь его догнал новый указ из Москвы – протопоп Аввакум с семьей должен был отправиться с отрядом воеводы Афанасия Филипповича Пашкова на освоение Даурской земли, т.е. сегодняшнего Забайкалья. Сам воевода был уже в преклонных летах во время даурского похода. Свою службу он начал в период расцвета военно-политической активности своего отца Истома Пашкова, видного авантюриста эпохи Смутного времени. Унаследовав все худшие черты поведения своего отца, Афанасий Пашков, на беду опального протопопа, обладал вздорным характером и буквально нечеловеческой жестокостью. Сложно сказать, где заканчивалась служебная «суровость» воеводы и начиналась патология его психики.

То ли получив негласный патриарший приказ «мучить» Аввакума, то ли следуя семейной традиции держать, в политике, нос по ветру воевода Пашков отказался считаться с распоряжением Тобольского архиепископа относительно протопопа, который должен был стать членом духовной миссии их похода. Протопопа Аввакума он видел лишь как ссыльного политического преступника. Вот как это вспоминал сам протопоп: «И отдали меня Афонасью Пашкову в полк, - людей с ним было 6 сот человек; и грех ради моих суров человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет. И я ево много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня». [10, С. 40.] Бешеный темперамент Пашкова, взбалмошность его поступков, суеверность натуры, при отсутствии «страха Божия» в душе воеводы приводили к постоянным столкновениям с протопопом Аввакумом. Аввакум, просто по своему внутреннему состоянию, не мог пройти мимо несправедливости, попрания церковных канонов и государственных законов.

«На другом, Долгом пороге стал меня из дощеника выбивать: «для-де тебя дощеник худо идет! еретик-де ты! поди-де по горам, а с казаками не ходи!» О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимый, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы перие красное, вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие - многое множество, птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, изубри и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие - во очию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверьми, и со змиями, и со птицами витать». [10, С. 41.]

Против протопопа А.Ф. Пашков применил весь имевшийся в наличии арсенал подлостей. Он отбирает у семьи Аввакума все государево жалование, выданное натурой, а, после, продает протопопу его же по баснословной цене. У протопопа было разграблено имущество, в том числе облачения, священные сосуды и книги. Воевода Пашков неоднократно бьет протопопа

Аввакума, в том числе собственноручно, «грызет зубами» до крови, намеренно держит под проливным дождем. Полтора месяца осенью протопоп просидел в неотапливаемой башне Братского острога. Воевода сурово мучил и семью Аввакума. Особенно жестоко страдали они от постоянного голода. Двое младших детей протопопа Аввакума умерли в походе. Иногда протопопа и его домочадцев, втайне от Пашкова, подкармливали жена, сноха и сын воеводы, которые очень сочувствовали страдальцу за веру. После Даурии протопоп внешне превратился в старика. Его мучали регулярные боли в спине, порой просто не дававшие ему встать на ноги.

«Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающесе о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошедьми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «матушка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «что ты, батько, меня задавил?» Я пришел, на меня, бедная, пеняет, говоря: «долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» Она же вздохни, отвечала: «добро, Петрович, ино еще побредем»». [10, С. 47.]

Пожалуй, это наиболее пронзительные слова «Жития» повествующие о многолетней сибирской ссылке. В конце 1650-х гг. о злключениях протопопа Аввакума стало известно в Тобольске Симеону. Не столько сочувствуя несчастью Аввакума, сколько затаив злобу на А.Ф. Пашкова, за то, что тот наплевал на архиерейские прерогативы и распространил свой произвол на духовных лиц, владыка Симеон донес в Москву обо всем, что ему стало известно о произволе воеводы и ужасах похода.

В Москве изменилось многое. Падение влияния Никона, завершилось театральным оставлением им патриаршей кафедры, и многолетними препирательствами с царем. Алексей Михайлович к борьбе с оппозиционным

патриархом решил привлечь все силы, в том числе тех, кто был Никоном обижен. В Даурию посылается следственная комиссия, расследовать злоупотребления воеводы А.Ф. Пашкова. Нерченским воеводой, вместо Пашкова, назначается И.Б. Толбузин. [15, С. 86.] Весной 1662 г. Пашков сдал полномочия и отбыл в Москву держать ответ за сотни загубленных казачьих жизней. Приказ о возвращении касался и протопопа Аввакума. Собрав старых, больных и увечных протопоп поплыл в обратный путь. Наверное, он был бы не Аввакумом, если бы не забрал с собой двух воеводских клеветников много раз жестоко мучивших его самого. Протопоп их не только простил, но и спрятал от разгневанной толпы казаков, желавших расправиться со своими недавними кровопийцами. Старым путем, пролегавшим, через земли, охваченные многочисленными восстаниями местных народов, протопоп Аввакум добрался в июне 1662 г. до Тобольска.

В «стольном сибирском граде» он не встретил архиепископа выехавшего по церковным делам в первопрестольную, но встретил множество сосланных. Это были далеко не только старые боголюбцы. Среди сосланных в Сибирь оказалось много лиц духовного звания оказавших упорное сопротивление церковным новшествам. От них протопоп Аввакум узнал, что творилось на Руси пока он «хаживал в Дауры». Многое он уже успел увидеть сам, ибо подвергнутый в Москве царскому внушению Симеон Тобольский начал активно вводить новый обряд в Сибирской епархии. К слову сказать, что разноречивость одних и тех же богослужебных книг, изданных в разные годы патриаршества Никона и продолжавшиеся после его ухода, производили невероятную сумятицу в церквях. Книги, против прежних времен, издавались крайне малыми тиражами на Печатном дворе, закупка их была дорога, поэтому каждый приход служил по тем книгам, которые ему попали. Более того, тексты богослужебных книг, начиная с первых изданных Никоном и ежегодно переиздававшиеся до 1666 года, ни разу не согласовывались не уточнялись и существенно отличались одна от другой.

При Никоне за буквальным исполнением нового обряда вообще следили мало, требовалась, в основном лишь внешняя лояльность. Царь Алексей Михайлович действовал неуклонно и последовательно, но до 1666-1667 гг. власти следили лишь за наиболее видимой стороной обряда. Однако часть епархиальных архиереев, кто «страха ради иудейска», а иные, желая выслужиться, вводили новый обряд или то, что они под ним понимали, в своих церковных областях. Вернувшись в 1664 г. в Москву, протопоп Аввакум первым посетил своего старого знакомого по кружку боголюбцев интеллектуала, филантропа и приближенного к царю человека Ф.М. Ртищева. Ф. Ртищев сообщил царю о прибытии в столицу Аввакума. Царь пожаловал протопопа Аввакума, допустив до целования руки. Этот факт красноречиво показывает некое расположение Алексея Михайловича к протопопу.

Аввакум вернулся из Сибири в ореоле страстотерпца. Его бескомпромиссное стояние за веру, харизматичность, широта знаний и талант проповедника сделали его вождем всех противников церковной реформы. Его почитали как рядовые москвичи, так и аристократия, натерпевшаяся от властного патриарха Никона. Большинство знати, как тогда говорили «лицемерилось», посещая официальные богослужения, что называется для «галочки», они в своих домовых церквях и крестовых палатах успевали помолиться всю службу по старопечатным книгам со своими семейными попами-духовниками. В основном, только принявшие постриг вельможи готовы были открыто отстаивать родную старину. Из придворных на открытую «фронду» решилось только два семейства: князья Хованские и Соковнины, включая женскую часть (боярыня Ф.П. Морозова, княгиня Е.П. Урусова). Протопоп Аввакум посещал в Москве те храмы и обители, где полулегально сохранялся старый обряд православной литургии.

Живя в Москве, протопопу все сложнее было узнать в столице Третий Рим. Народ жил не в «страхе Божьем», а в постоянном осознании, что каждый новый шаг правительства ведет лишь к изъятию прежних прав и вольностей, ухудшению экономического положения. Епископат копировал те

греческие образцы, которые позволяли ему устраивать свой быт в роскошной манере. Однако постепенно и неуклонно шла замена выдвиженцев Никона на лишенных каких-либо идейных предпочтений, кроме карьерного роста, уроженцев Малороссии. (Иллюстрацией этому являются слова будущего патриарха Иоакима: «Аз-де, государь, не знаю ни старья, ни новья веры, но что велят начальницы, то и готов творити и слушати их во всем».) [2, С. 43.] Низшее духовенство пребывало в смятении и страхе. Царь и элита начинали открыто и с восхищением взирать на сибаритские стороны западной жизни.

Аввакум разрывался между почетом, который оказывал ему Алексей Михайлович и весь московский истеблишмент, спокойствием семьи, и стоянием за правду: «Таже в русские грады приплыл и уразумел о церкви, яко ничто ж успевае, но паче молва бывает. Опечался, сидя, рассуждаю: что сотворю? проповедаю ли слово Божие или скроюся где? Понеже жена и дети связали меня. И виде меня печальна, протопопица моя приступи ко мне со опрятством и рече ми: «что, господине, опечалился еси?» Аз же ей подробну известих: «жена, что сотворю? зима еретическая на дворе; говорить ли мне или молчать? - связали вы меня!» Она же мне говорит: «Господи помилуй! что ты, Петрович, говоришь? Слыхала я, ты же читал, апостольскую речь «привязался еси жене, не ищи разрешения; егда отретишися, тогда не ищи жены». Аз тя и с детьми благословляю: дерзай проповедати слово Божие по-прежнему, а о нас не тужи; дондеже Бог изволит, живем вместе; а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силен Христос и нас не покинут! Поди, поди в церковь, Петрович, обличай блудню еретическую!»»

Протопоп написал одну челобитную царю, где рассказал о Сибири и просил вернуться к «древнему» благочестию. Итог был не тот, которого он ожидал. С одной стороны ему выдали на расправу А.Ф. Пашкова, которого Аввакум уговорил принять постриг в Чудовом монастыре, с другой стороны царь просил «не докучать» церковными вопросами, отложив споры до собора. В случае принятия протопопом Аввакумом всех тех странностей,

которые велено было считать церковной реформой на греческий образец, царь Алексей Михайлович сулил ему на выбор место своего духовника или должность справщика Печатного двора. Новая челобитная царю, убедила правительство в неотступной преданности Аввакума русской старине. Жребий был брошен, и протопоп Аввакум, по царскому повелению, вновь, с семьей, отправился в ссылку. Местом ссылки значился Пустозерск.

Доехали арестанты только до Холмогор, дальше нужно было ждать пока будет возможность продолжить путь на санях. Здесь Аввакум написал очередную челобитную, прося царя Алексея помиловать его семью. Эту челобитную вызвался доставить юродивый Киприан, следовавший за страдальцем из Москвы. За Аввакума протопопа пытались заступиться. Дьякон Благовещенского собора Феодор Иванов, будущий «пустозерский сиделец», безуспешно пытался подать челобитную о помиловании «огнепального» протопопа, чем обличил себя перед царским двором, как старообрядец и попал в заключение. О помиловании Аввакума, из своей дальней пустыни молил и старец Неронов.

Сам же «протопоп-богатырь», пользуясь ослаблением арестантского режима, продолжил проповедовать и обличать церковные новшества. Вести о приближении великого борца за веру и страдальца от высшей власти опережали протопопа Аввакума. Аввакума с семьей велели везти до Мезени, где он довольно свободно проживал в Окладниковой слободе весь 1665 и часть 1666 гг. Здесь родился у Аввакума последний сын Афанасий. Здесь, на Мезени началось литературное творчество Аввакума, которое уже в Пустозерске превратит его в выдающегося писателя XVII века.

В связи с подготовкой церковного собора, в начале 1666 г. были арестованы все известные и авторитетные противники реформы Никона, до которых смогли дотянуться руки русского правительства. Итог церковной «революции сверху» на момент 1664-1665 гг. был вовсе не такой, какой видел его изначально царь. Старая идеология и образ жизни русских людей были скомпрометированы только в глазах московской элиты. У довольно

большого числа подданных Русского государства это вызывало скрытый или открытый протест. Скрытый протест заключался в криптостарообрядчестве во всех слоях общества, включая царскую семью и в прогрессирующем скептицизме в отношении любого нового решения властей.

Открытый протест выражался: 1) в бегстве в окраинные или малодоступные места страны, чтобы там продолжать свободно молиться; 2) в широких народных движениях; 3) готовности пострадать и умереть за веру; 4) в массовом появлении противореформистских сочинений; 5) в активном и пассивном саботировании церковных нововведений на уровне приходов; 6) в распространении различных вариантов учения об антихристе, в каждом из которых царская власть объявлялась его олицетворением. Русская Церковь находилась в полном смятении. Иерархия и близкий к ней клир чрезвычайно отделились от белого приходского духовенства. Многолетнее отсутствие патриарха привели церковное управление в полное расстройство. Вместо задумывавшегося Алексеем Михайловичем послушного стройного идеологического института, Православная Церковь превратилась в аморфную клочущую массу. Царь уповал на новый собор, как на разрешение всех своих проблем в церковном вопросе.

В феврале 1666 г. протопопа Аввакума с семьей разлучили навсегда. Анастасия Марковна с большей частью детей осталась на месте, протопопа же с сыновьями Иваном и Прокопием повезли на соборный суд в Москву. В столицу они были доставлены 1 марта. Протопопа привезли к митрополиту Павлу Крутицкому на подворье, где тот пять дней «стязався» о вере с Аввакумом. Понимая тщетность попыток сломить «протопопа-богатыря», митрополит отослал его в заключение в Пафнутьев-Боровский монастырь. Там протопопа Аввакума продержали на цепи почти десять недель. Содержание его было намеренно жестким со стороны монастырского начальства. Этим его противники наивно полагали склонить опального протопопа к отказу от убеждений. К нему приезжали различные церковные деятели с одной целью: уговорами или угрозами добиться хотя бы внешнего

соединения с ними. Царь и послушные ему иерархи отдавали себе отчет в том, что после своей сибирской ссылки протопоп Аввакум стал подлинным вождем всех старообрядцев.

В ожидании приезда в Россию восточных патриархов, открылся Московский собор 1666 г. Этот собор принципиально отличался от тех, которые были знакомы протопопу Аввакуму до его вынужденных сибирских странствий. На соборе были представлены лишь архиереи и настоятели крупнейших монастырей. Не то, что мирян, ни одного протопопа отныне на церковные соборы не звалось. По сути, Московский собор должен был стать большим судом, как над патриархом Никоном, так и над его идейными противниками. После явки же греческих предстоятелей, собор превратился в суд над русским православием, русской историей, русским менталитетом и русской культурой. Перед началом собора, каждый из его участников должен был дать письменный ответ царю о своих воззрениях на греческое православие и на обрядовые изменения Никона. В случае если ответы бы разнились с убеждениями самодержца, такие деятели из участников собора сразу же становились подсудимыми. Так, практически, произошло с епископом Вятским Александром. [32, С. 322.]

Не только понимая это, но и по доброй воле владыки и настоятели киновий не противились монарху. Во-первых, не осталось ни одного иерарха, ни архимандрита или ни игумена более или менее значимого монастыря, которые бы имели дониконовское поставление. Старые архиереи умерли или были отправлены на покой. Все, кто был представлен на соборе, были рукоположены или патриархом Никоном, или, после его добровольного удаления, по прямой указке Алексея Михайловича. В монастырях, откинув старый обычай выборов настоятелей, власти – церковные и светские – сами, по своему усмотрению, без учета интересов братии, меняли, перемещали, отстраняли начальников главных русских обителей. Таким образом, за редчайшим исключением, среди членов собора были либо идейные грекофилы, либо карьеристы без убеждений, либо выходцы из Малороссии,

для которых русская старина была просто чужда. Во-вторых, епископат панически боялся возвращения времен деятельности боголюбцев, так как опасался соборного начала управления Церковью, а равно презирал белое приходское и низшее черное духовенство.

Соборяне полностью действовали по государеву указанию. Все нововведения Никона были утверждены, а их противники осуждены. Понимая, что протопоп Аввакум непреклонен, после непродолжительных прений, его решили извергнуть из сана. Из-за этого даже произошел конфликт в царской семье, где сестра и жена царя резко выступили в защиту Аввакума. 13 мая 1666 г., в Успенском соборе, его и дьякона Федора расстригли. Когда их проклинали, протопоп сам, своим громовым голосом анафеманствовал «новолюбных» епископов. 15 мая, рано утром, чтобы скрыть будущее место заточения протопопа Аввакума от сторонников старой веры, его под конвоем отвезли в Николо-Угрешский монастырь. Страдальца за веру держали в полной изоляции, даже князю Воротынскому было отказано и во встрече, и в передаче. Это делалось еще и потому, что он остался единственным до конца твердым в правоте своих убеждений.

Все остальные, представшие перед собором, хотя бы для отвода глаз, заявили о подчинении решениям чиновначалия. После задержания сыновей Аввакума, пытавшихся навестить отца, протопопа перевели опять в Пафнутьев-Боровский монастырь. Там его морили голодом, оскорбляли и даже забили слуховое окно темницы, в надежде, что узник задохнется. Протопопа Аввакума спас от «нужной» смерти приезд его старого знакомого московского дворянина И. Камынина, бывшего воеводы Верхотурья и крупного вкладчика монастыря. Он собственноручно сорвал все, что мешало проникновению воздуха, и сурово пригрозил монахам, если такое повторится впредь.

Затем произошло чудо. Келарь Никодим, установивший жестокий режим заключения протопопа, заболел и был при смерти. Ничего ему не помогало. Во сне ему явился Аввакум, облаченный в ризу, и поставил на

ноги. Проснувшись, он понял, что исцелился, и побежал благодарить узника. Не смотря на то, что протопоп Аввакум категорично заявил ему о своей непричастности к исцелению, Никодим все рассказал иночеству братии. Темница протопопа стала местом паломничества, и Аввакума решили перевезти из Боровска в Москву, где разыгрывалась позорная драма Русской истории – Большой Московский собор с участием восточных патриархов

Анализируя его, приходит на ум выражение из поэмы «Современники» Н.А. Некрасова: «Бывали хуже времена, но не было подлей». Опасаясь проезда через Константинополь, Балканы и Речь Посполитую, тайными тропами через Кавказ, по царскому зову, судить грекофила Никона, а в купе с ним и все русское, двигались в Московию знаменитые милостынисобиратели патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский. Это были старые консультанты в делах «порчи книг» и преданные, пока он пребывал на патриаршем престоле, друзья Никона. Зная об огромной «премии» от царя за нужное монарху решение они ехали нетрадиционным путем в Россию. Традиционный путь был заказан, так как, узнав о готовящемся соборе, и опасаясь падения эллинофилской партии в Русской Церкви, Константинопольский и Иерусалимский патриархи не только отказались ехать, но и созвали свой собор, низложивший двух греко-арабских «попрошак», в этот момент пробиравшихся в Россию. Естественно по своему обычаю, турки продали места предстоятелей двух Церквей новым претендентам.

В России «блаженнейших владык» ждали новые авантюристы: бывший митрополит Газский Паисий Лигарид, самозванный митрополит Иконийский Афанасий и бывший архимандрит одного из афонских монастырей Дионисий. Паисий Лигарид, будучи католиком, был воспитанником римской иезуитской школы. Первое рукоположение над ним совершил униатский прелат. Обманом он стал православным митрополитом Газы, но, когда обман вскрылся, он был извергнут и проклят. Возвращаться

ему было некуда, и он «скончает свои дни» в пределах Российского государства. Другой «митрополит» был уличен во множественном подлоге и систематической подделке документов, свои дни он закончит в заточении. Дионисий был лишен своего места на Афоне, а в России его многократно заставляли за занятием мужеложством в алтарях храмов и растлением отроков. Характеристика русскому епископату была дана выше. [28, С. 167.]

Продвигаясь к Москве, патриархи совершили ряд канонических преступлений, за которые в другое время последовали бы самые суровые церковные наказания. Так, в чужой области, за хлебосольный прием, они возвели Астраханского архиепископа Иосифа в сан митрополита; в Симбирске они судили духовное лицо и т.д.

Начался «разбойничий собор». В конце 1666 г. был осужден и лишен сана бывший патриарх Никон. Греческим духовенством был провозглашен примат царской власти во всех делах. После вялого сопротивления отдельных русских иерархов и жестокого окрика со стороны государя, все предложенные формулировки были приняты. В апреле 1667 г. начался суд над ревнителями старины. На собор были доставлены все более или менее значимые сторонники русского обряда, в том числе и отказавшиеся от своих убеждений. Большинство судили повторно. Перед судом протопопа Аввакума пытались еще раз склонить к отказу от веры.

Наиболее красноречиво и подробно описал сам Аввакум соборный суд сомнительных патриархов: «...волоча многажды в Чюдов, поставили перед вселенских патриархов, и наши все тут же, что лисы, сидели, и много от писания говорил с патриархами; Бог отверз грешные мое уста, и посрамил их Христос! Последнее слово ко мне рекли: «Что-де ты упрям? Вся-де наша Палестина, и серби, и албанасы, и волохи, и римляне, и ляхи, все-де трема персты крестятся, один-де ты стоишь во своем упорстве и крестишься пятью персты! Так-де не подобает!» И я им о Христе отвечал сице: «Вселенстии училилие! Рим давно упал и лежит невсклонно, и ляхи с ним же погибли, до конца враги быша християном. А и у вас православие пестро стало от

насилия турского Магмета, да и дивить на вас нельзя: немощны есте стали. И впредь приезжайте к нам учитца: у нас, Божиею благодатию, самодержство.

До Никона отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и Церковь немятежна. Никон волк со дьяволом предали тремя персты креститца; а первые наши пастыри, яко же сами пятью персты крестились, такожде пятью персты и благословляли по преданию святых отцов наших: Мелетия Антиохийскаго и Феодора Блаженнаго, епископа Киринейскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека. Еще же и Московский поместный бывый собор при царе Иванне так же слагая персты креститися и благословляти повелевает, яко ж прежнии святии отцы, Мелетий и прочии, научиша. Тогда при царе Иванне быша на соборе знаменосцы Гурий Смоленский епископ и Варсонофий Тверский, иже и быша казанские чудотворцы, и Филипп, Соловецкий игумен, иже и митрополит Московской, и иные от святых русских». И патриарси выслушав задумалися; а наши, что волчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцев своих, говоря: «Глупы-де были и не смыслили наши русские святые, не ученые люди были, и грамоте не умели. Чему им верить?!»

О, Боже Святой, како претерпе святых своих толиця досаждения? Мне, бедному, горько, а делать нечева стало. Побранил их, колько мог, и последнее слово рекл: «Чист есмь аз, и прах прилепший от ног своих отрясаю пред вами, по писанному: «Лутче един творяй волю Божию, нежели тьмы беззаконных!» Так на меня и пуще закричали: «Возьми, возьми его! Всех нас обесчестил!» Да толкать и бить меня стали; и патриархи сами на меня бросились, человек их с сорок, чаю, было, все кричат, что татаровя. Велико антихристово войско собралося! Ухватил меня дьяк Иван Уаров да потащил. И я закричал: «Постой, не бейте!» Так они все отскочили. И я толмачю-архимариту Денису говорить стал: «Говори, Денис, патриархам. Апостол Павел пишет: «Таков нам подобаше архиерей, преподобен, незлоблив, и прочая. А вы, убивше человека, как литоргисать станете?» Так они сели. И я

отшел ко дверям да набок повалился, а сам говорю: «Посидите вы, а я полежу».

Так они смеются: «Дурак-де протопоп, и патриархов не почитает!» И я говорю: «Мы уроди Христа ради; вы славни, мы же бесчестни; вы сильни, мы же немощны!» Потом паки ко мне пришли власти и про аллилуия стали говорить со мною. И мне Христос подал - посрамил в них римскую ту блядь Дионисием Ареопагитом, как выше сего в начале реченно. И Евфимей, Чюдовской келарь, молил: «Прав-де ты. Нечева-де нам больши тово говорить с тобою». [42, С. 44-46.]

Через несколько дней, стрелецкий полуголова отконвоировал протопопа Аввакума и его соратников по борьбе на Андреевское подворье, что на Воробьевых горах. Здесь к Аввакуму по велению царя началось целое «паломничество» с целью «хоть в чем» примириться с собором. Так, то с угрозами то с «лаской» приходили ближайšie клеветы государя дьяки Дементий Башмаков, глава Тайного и Тимофей Марков из Конюшого приказа. Пытаясь окончательно измучить протопопа Аввакума, ему раз в несколько дней меняли место заключения. То увозили в Николо-Угрешский монастырь, то возвращали в Москву. Здесь его «посещали» стрелецкий голова Ю. Лутохин, митрополиты Павел Крутицкий и Иларион Рязанский, архимандрит Чудовский Иоаким и Артемон Матвеев. 26 августа 1667 г., по царскому указу, протопопа Аввакума отправили в заточение, в Пустозерск. Этот русский форпост на дальнем Севере станет местом последнего пребывания скитальца-протопопа.

Благодаря заступничеству царицы, Аввакума в заточение отправили без казни. Его будущим союзникам повезло меньше. У попа Лазаря, инока Епифания и дьякона Феодора отрезали языки. Правда, случилось чудо. Страдальцы за русскую веру смогли говорить, а, потом у них начали расти языки. Этот факт подтверждает то обстоятельство, что в дальнейшем власти повторно подвергли их этой жестокой пытке. 12 декабря 1667 г. Аввакум «со товарищи» был доставлен в Пустозерск.

Собор продолжался своим чередом. На нем были подтверждены все изменения, сделанные в патриаршество Никона. На все старые обряды были наложены проклятия. Буквализм греков и их ненависть ко всему русскому не знали границ. Особенно усердствовал архимандрит Дионисий. На греческий образец должны были быть переделаны одежды монахов и архиереев. Проклятию подверглось все то, что составляло «самостоянье» Русского государства: проклинались Стоглавый собор и Московский собор 1620 года, Повесть о Белом Клобуке и учение о Третьем Риме, законность автокефалии Русской Церкви и отделение русских от униатского сообщества принявших Флорентийскую унию. Изображения на иконах Новозаветной Троицы, Саваофа, Святого Духа в виде голубя, целый ряд иконописных типов, в т.ч. «Спас Благое Молчание», изображение архиереев в белых клобуках отвергалось. Запрещались и проклинались писания Максима Грека, жития св. Ефросина Псковского, Феодорита и Мелетия Антиохийского. Запрещалось юродство, так как все юродивые на Руси выступили против реформы Церкви.

Далее собор приступил к разбору казалось бы незначительных и мелочных вопросов, но греческое духовенство придавало этому чрезвычайное значение. Мелочность вопросов проявилась в том, что собор решал, в какую сторону должен повернуться священник, произносящий коленопреклоненные молитвы на Троицу, на восток, как у русских было принято, или на запад, как решили греческие иерархи. При этом русский епископат только «вопрошал», а греки поучали. Правда, по указке царя, желавшего привлечь на свою службу польско-литовскую католическую шляхту, были приняты нормы, прямо противоречившие учению и практике Греческой Церкви. Собор постановил не перекрещивать «латинян» и униатов, окрещенных обливательным крещением. Эта норма вопиюще противоречила всем канонам православных Востока, но греческие авантюристы сочли за благо этого не замечать.

Вся русская история и культура, богоизбранность Русского царства и основы великорусского религиозного сознания в одночасье перечеркивались решениями этот «разбойничьего» собора. Святая Русь объявлялась греками, лишь невежественной и отступившей провинцией восточного православия. В 1667 г. греко-арабское духовенство соборно возгласило проклятие на весь особый русский путь. [24, С. 4.]

Верноподданным, то есть тем, кто решил стать идейными Иванами родства не помнящими, предлагалось погрузиться в бытовую суету и религиозный конформизм (читай, индифферентность); противникам – старообрядцам – дорожившим родным прошлым и проявлявшим в религиозной сфере жизни искренность, уготована была только плаха. По сути своей возникают две России: первая, сохранившая великорусскую идентичность, вечно гонимая и дискриминируемая, вторая, готовая на любые компромиссы с властью, ради относительно спокойной жизни. Это можно считать отправной точкой развития Российской империи.

Начиная с конца 1650-х гг. протест против церковной реформы начинает приобретать широкий размах в России. Первые годы, в отдаленных провинциях, люди даже не догадывались о масштабных изменениях в жизни Церкви и государства. И дальше процесс размежевания шел не одномоментно. Где-то не хватало новых книг, до середины XVIII в. их издавалось крайне мало; где-то полное введение новых обрядов саботировало приходское, а, иногда, и монастырское духовенство (в некоторых отдаленных обителях соборную службу служили по новым чинам, а келейное правило и молитву творили по дореформенным книгам). К тому же людям было тяжело преодолеть инертность повседневности, порвать с привычным с детства храмом, где все было знакомо; преодолеть страх выпадения из привычного социума, и следовать за отеческой верой и родными традициями в подполье, в глушь, на окраины, в заточение или на плаху.

Абсолютное большинство восстаний второй половины XVII – XVIII вв. имели своим идейным наполнением «стояние за крест и бороду», то есть

борьбу за старую веру. Однако каждый раз эти восстания оказывались локальными или в территориальном, или в социальном плане. Устойчивость Российской империи предала возвращенная монархами новая, в полной мере апостасийная, по отношению к отечественному прошлому, народной культуре и русскому православию, дворянско-бюрократическая элита.

Возможно, если бы реформа шла по лютеранскому, цвинглианскому или кальвинистскому лекалу, с провокационным разрывом со всем, что было прежде, с разрушением храмов или внутреннего убранства, это бы привело к всеобъемлющей гражданской войне. Но так не бывает, когда изменения насаждаются сверху. Да, бывают восстания против реформы веры – так было в Англии, Шотландии и Ирландии, так было и в России – они могут носить кровопролитный и затяжной характер, но всегда локальный. Эти восстания не превращаются в гражданские войны. Более того, власти пытаются представить реформационные действия, как естественный ход истории, а противников, как «безграмотных» маргиналов.

Мировоззренческую суть реформы Никона охарактеризовал дьякон Феодор Иванов, пустозерский союзник протопопа Аввакума, в своем трактате «О познании антихристовой прелести»: «О, прелесте! понеже еси пестра: церковныя стены созидаются, законы же ея раззоряются и злохульно укоряются. О, прелесте! понеже еси пестра: иконное поклонение почитается, образы же святые яко непотребны отметаються. О, прелесте! понеже еси пестра: причастие, Тело и Кровь Христову, исповедуют, тайнодействия же ея еретичеством оглаголуют. ... О, прелесте! понеже еси пестра: еретики проклинаются, благоверные же яко враги осуждаются. О, прелесте! понеже еси пестра: праздники святые празднуют, начальников же праздников раскольниками называют. О, прелесте! понеже еси пестра: мученикам Христовым память творят, веру же их прелестию нарицают.... О, прелесте! понеже еси пестра: идольскаго поклонения гнушаются, развращенные же образы яко святые почитаются....

О, прелесте! понеже еси пестра: крест Христов трисоставный именуют, а почитателей его яко еретиков погубляют. О, прелесте! понеже еси пестра: римское нечестие проклинаемо, ... крыж же латинский яко истинный почитается. О, прелесте! Понеже еси пестра: во святую Троицу глаголют веровати, правоверным же повелевают, глаголюще: проклените свою древнюю ересь, во что вы веровали! О, прелесте! Понеже еси пестра: знаменем крестным знаменуются, истинное же таинство, согбение перстов, армянским нарицают.... О, прелесте! Понеже еси пестра: диявол проклинается, змий же яко честный почитается. О, прелесте! Понеже еси пестра: крест тричастный на месте поставляется: крыж же двочастный в причастии полагается. ... О, прелесте! Понеже еси пестра: христианами нарицаются, христианские же законы держащих армянами нарицают и яко врагов изгоняют.

О, прелесте! Понеже еси пестра: врагов гнушаются, скверные же поляки и богомерзские жида, и с немцами нечестивые армяне и прочие безбожные языки яко благодееи приемлются и честию велиею почитаются». [Цитата по: 5, С. 400.]

После завершения Большого Московского собора, грекофильские настроения за пару десятков лет сходят на нет. В конце XVII в. греческих иерархов не привечают в России и не дают подарков. Реальное или скорее мнимое влияние греков на русское правительство и царя исчезает. Правящие верхи и царь интересуются не греками, живущими в турецкой оккупации, а латинствующим Западом. Чем же еще интересоваться, если царь и собор доказали, что «глупы были и не смыслили наши русские святые, не ученые люди были». При дворе распространяется мода на все польское: платья, театр, музыку, стихосложение, латинский язык и т.д. Расколотое и дезориентированное русское общество потеряло цивилизационный иммунитет, и было подсознательно готово к пришествию «царя-преобразователя». Уже при царе Алексее Михайловиче Церковь полностью утратила свою автономию во всех вопросах. Петр Алексеевич лишь довел

церковную реформу до логического завершения. Институт греко-русской Церкви исчезает, а на его месте появляется «ведомство православного исповедания», то есть одна из государственных коллегий. Ей даже нашли официальное название «святтейший Синод». Каноническое право было почти полностью заменено указами правящих особ. [25, С. 52.]

Все духовенство отныне - это просто чиновники, которым подыскивают соответствующие места в «Табели о рангах». Теперь все по ранжиру: монастыри, соборы, приходские церкви поделены на классы. Просто так построить церковь невозможно, только по типовому проекту такого-то класса. Синодальный светский чиновник определяет, полагается ли храму колокольня или только звонница. У каждого храма, у каждой обители свой штат на государевом жаловании. По своему желанию чиновники могли проводить «оптимизацию» епархий, приходов, монастырей. Их просто выводили за штат и закрывали. Так, при Екатерине II было закрыто $\frac{2}{3}$ всех монастырей. Все православное население было приписано к определенным приходам.

Приходской священник должен был исповедовать каждого четыре раза в год. Если на исповеди он узнавал о преступлении, то должен был донести полицейским; если человек год не был на исповеди - на него то же нужно было донести. Поэтому исповедь превращалась в простую отговорку, «для галочки». Проповедь по собственному почину запрещалась. Даже архиереи во всех своих поступках и публичных словах были подотчетны особым администрациям – консисториям. Если к этому прибавить, что Церковь утратила свое богословие, а теология в духовных учебных заведениях преподавалась по католическим и лютеранским сочинениям. Становится понятна общая картина слоя людей – названного православным духовенством. Закрытое и наследственное с одной стороны, оно объединяло как еле сводящее концы с концами низшее духовенство, так и утопающих в роскоши архиереев, интересующихся только игрой на бирже, выгодным вложением акций, светскими развлечениями и близостью к высшей власти.

Чтобы проиллюстрировать это примером, можно обратиться к личности протоиерея Андрея Самборского, «окормлявшего» русское посольство в Лондоне. Этот «православный» пастырь всегда одевал светский наряд, начисто выбривал лицо и носил модные прически. Точная копия англиканского викария того времени. Императора Александра I его вид приводил в восторг. Недаром знаменитый старообрядческий полемист Ф.Е. Мельников написал свое, ставшее хрестоматийным произведение «Блуждающее богословие» о теологии и практике синодальной Церкви. [Подробнее см.: 31]

Главой Церкви империи считался монарх. Снос церкви, объявлявшейся непригодной для богослужения, был рядовым явлением XIX века. Как рядовым явлением было уничтожение старинных фресок или икон. Все должно было подчиняться моде на европейские «священные картины». Да и сами храмы едва ли напоминали православные. Их строили то в барочном, то неоготическом стилях, то рококо, то в классицизме, то ампире. С возвышавшимся над крышей «латинским крыжом» он скорее напоминал костел или кирху, а, порой, просто барскую усадьбу. Удивительно, что в этих условиях, хотя бы часть населения сохраняла искренние религиозные чувства.

В Пустозерске Аввакума и его союзников, власти предполагали держать в заточении, каждого в отдельном срубе, чтобы предотвратить любые контакты друг с другом. Но в остроге тюрьмы не было. Ее предстояло еще построить. В ожидании строительства узилищ ревнителей древнего благочестия поселили в избах под охраной стрельцов, которые в скорости сами стали сторонниками протопопа Аввакума. Жалование от государя на пустозерских узников шло крайне скудное. Протопоп Аввакум, иерей Лазарь, дьякон Феодор и инок Епифаний голодали или почти голодали. Правда, протопопу, как аскету это было привычно. Не стоит думать, что он не любил жизнь во всем ее вкусе. Аввакум, по природе своей был большой жизнелюб. Любил и скромные человеческие радости, например, лакомиться малиной.

Но, если обстоятельства требовали от него самоотречения и перенесения лишений, он с христианской стойкостью шел на это.

Арестантское содержание, в это время, было не слишком жестокое, поэтому заключенные довольно часто общались друг с другом и начали свою литературную деятельность, пока, по большей части, в виде челобитных. В полной мере можно говорить, что в 1668 г. в Пустозерске сложился первый литературный кружок в истории России. Здесь проявилось и первое писательское соавторство. Его мы находим в «Ответе православных». Здесь происходят и обязательные для литераторской среды столкновения точек зрения. Так протопоп Аввакум, как истинно русский человек, постоянно пребывающий в поисках правды, порой, спорящий по глобальным и отвлеченным вопросам, но всегда готовый на товарищеский консенсус по насущным проблемам, временами вел ожесточенные диспуты с дьяконом Федором.

Протопоп Аввакум часто переписывается с московскими старообрядцами, со своими духовными чадами. Среди его адресатов и такой значительный человек, как боярыня Феодосия Прокопьевна Морозова. Переписка часто шла через Мезень, так что протопоп Аввакум мог отправлять весточку и своей дорогой «протопопице» Анастасии Марковне. Тайные послания отправлялись в деревянных распятиях, искусно вырезанных из дерева иноком Епифанием. В нужном кресте он делал скрытый ковчежец для послания. Однажды он тоже проделал с бердышом стрельца, согласившегося в обмен на аввакумовскую шубу, доставить послание по назначению. На Мезени послания протопопа Аввакума переписывались членами его семьи и близкими сторонниками и рассылались по всей России.

В Пустозерске, даже и через двенадцать лет после Большого Московского собора, в одной из церквей приходской священник продолжал служить по старым книгам. Протопопу Аввакуму сочувствовали и

поддерживали, а, часто, и сами в быту держались дораскольной старины, воеводы близлежащих городков, в том числе и Мезени.

Подошло время смены начальника стражи в Пустозерске. 20 сентября 1669 г. сотника Акишева сменил И. Ярцев. Уезжая в Москву, сотник согласился доставить послания из Пустозерска, в том числе новую челобитную царю протопопа Аввакума. 28 ноября 1669 г. он доставил послания в столицу. Это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Сложная внешнеполитическая обстановка для России сочеталась с угрожающей внутривластной повесткой. На севере страны много лет длилось Соловецкое «осадное сидение», когда восставшие монахи обители и поддерживавшие их местные ловцы-крестьяне, десятки лет сопротивлялись введению реформы и успешно оборонялись от наступающих правительственных войск. На Юге, один за другим прокатывались по Дону антиправительственные недовольства казаков, переросшие, наконец, в восстание атамана С.Т. Разина. То там, то тут начали полыхать первые «гари». Крестьяне и посадский люд разбредались по малодоступным местам, ради «свободной молитвы». Недовольство политикой самодержца все больше выражали служилые люди «по прибору». Раздражение по отношению к религиозной политике Алексея Михайловича зрело в высших эшелонах власти.

Знаменем сопротивления аристократии и, одновременно, руководителем московской общины старообрядцев стала царицына боярыня Ф.П. Морозова. Царь начал подозревать, что все антиправительственные действия координируются из одного штаба – из Пустозерска. К этому времени скончалась царица Марья Ильинична Милославская, самая влиятельная заступница перед царем за старые обряды и протопопа Аввакума. После начала следствия против московского кружка старообрядцев, выяснилось, что его члены состояли в регулярной переписке с протопопом Аввакумом. Царь отправил полуголову И. Елагина вести

следствие на Север. В Мезени, под угрозой сожжения, Елагин, сумел заставить семью Аввакума Петрова отречься от веры главы дома.

Вот как описывает следствие Елагина в Пустозерске протопоп Аввакум: «Посем той же полуголова Иван Елагин был и у нас в Пустозерье, приехав с Мезени, и взял у нас скаску. Сице реченно: год и месяц, и паки: «мы святых отец церковное предание держим неизменно, а палестинскаго патриарха Паисея с товарищи еретическое соборище проклинаем». И иное там говорено многонько, и Никону, завогичу ересям, досталось небольшое место. Посем привели нас к плахе и, прочет наказ, меня отвели, не казня, в темницу. Чли в наказе: Аввакума посадить в землю в струбе и давать ему воды и хлеба. И я сопротив тово плюнул и умереть хотел, не едши, и не ел дней с восемь и больши, да братья паки есть велели». [12, С. 47-48.] Всем союзникам протопопа резали языки и рубили руки или персты. Испытывая суеверный страх перед религиозной силой протопопа Аввакума, царь калечить его не велел.

Протопопа Аввакума и его пустозерских соратников заживо закопали в земляные тюрьмы. Закопанные срубы были малы. Человек в них, с трудом, мог выпрямиться. Над землею оставалось только маленькое оконце, через которое узникам подавали скудную пищу и дрова. Земляных тюрьмах царил мрак, грязь (полы были земляные), нередко неделями вода стояла по колени, дым и копоть от печки. Нечистоты оставались внутри сруба. Время от времени их разрешали выкидывать через слуховое окно. У протопопа Аввакума была оставлена иконка для молитвы. Когда уехал Елагин, охранники опять ослабили режим. Таким образом, Аввакуму иногда удавалось поговорить со своими товарищами. Протопоп, даже в таких условиях, убеждал друзей продолжать борьбу. Он благословил Епифания мастерить одной рукой распятия, и убедил его написать автобиографию.

Начиная с рубежа 1660-1670-х гг. в России установился жесткий режим религиозных репрессий. Данный режим не имел локального характера, ни в территориальном, ни в социальном смыслах. Репрессивный

режим не был кампанейщиной. Это была четко спланированная и неоднократно подтвержденная соборными постановлениями, царскими именными указами и боярскими приговорами политика. Опасение за будущее русского православия и Церковь «верных» привели к активизации сочинений богословско-полемической тематики пустозерских узников, в особенности протопопа Аввакума.

Практически все произведения протопопа Аввакума, а их помимо знаменитого «Жития» около девяноста, дошли до настоящего времени. Это стало возможным благодаря благоговейному отношению старообрядцев всех согласий к литературному наследию протопопа. Более того, уникальным для русского средневековья является факт сохранности до наших дней его автографов. А.Н. Робинсон об актуальности произведений протопопа Аввакума, перешагивающих временные и национальные границы, пишет так: «Гений Аввакума – явление исконно русское, именно поэтому масштабы его творчества приобрели международное значение». [10, С. 14.]

Наивысшего расцвета писательского таланта, протопоп Аввакум достигает в работе над автобиографичным «Житием». Это, пожалуй, первое в русской литературе произведение в мемуарном жанре. Заглавие «Житие» вовсе не указывает на некую «гордыню» автора или мнимую претензию на святость, как регулярно кликушествовали миссионеры в своих антистарообрядческих выступлениях XIX века. «Житие» исконно-русское наименование того, что сейчас наши современники именуют иностранным словом «биография». С другой стороны это отправная точка современной русской литературы, своего рода первая повесть, в классическом ее понимании. Проза Аввакума удивительна и по красоте, и по простоте слога, и по внимательности к деталям, и по обобщению сторон бытовой, и общественной жизни XVII века.

«Житие» было написано в Пустозерске, в заточении, когда протопоп Аввакум Петров был уже лишен возможности изустной проповеди. Известны три основные и одна дополнительная редакции «Жития». У всех трех

редакций сохранились автографы. Первая редакция была написана Аввакумом в 1672-1673 годах. Она сохранилась в 19 списках XVII-XIX вв.. Вторая редакция создается на рубеже 1673-1674 гг.. Данная редакция известна в 13 списках. Третья редакция, создавалась не ранее 1674 и не позднее 1676 года. На это указывает запись протопопа Аввакума: «...предлагаю житие свое от юности и до лет пятьдесят пяти годов». От нее дошли 6 списков. Особое место занимает так называемый Прянишниковский список XIX в., являющийся, по мнению одних исследователей творчества протопопа, своеобразным сводом трех редакций, по мнению других – содержит наиболее ранние варианты «Жития», не дошедшего до нас.

Сложно однозначно сказать, насколько инициатива написания «Жития» принадлежала духовнику протопопа священно-иноку Епифанию, как об этом говорит знаменитое предисловие: «священнопротопоп Аввакум понужен бысть житие свое написать отцем его духовным иноком Епифанием, да не забьвению предано будет дело Божие». Во всяком случае, данная приписка является автографом одного из пустозерских союзников протопопа – Епифания.

В своем «Житии», как и во всех других своих произведениях, протопоп Аввакум избрал самую доступную и доходчивую форму обращения к читателю – устный рассказ, положенный на бумагу (правда у него не всегда была бумага, порой он вынужден был использовать и бересту). Если бы не его заточение, скорее всего протопоп Аввакум не обратился бы к писательству. В его насыщенной борьбой жизни, у него на это не хватило бы времени. Но лишение протопопа устной проповеди перед духовными «чадами», положение «живага мертвеца» закопанного в землю заставили протопопа Аввакума взяться за перо. Естественно лейтмотив всех произведений пустозерского узника – каждодневное неотступное стояние за русскую православную веру и старый обряд.

Нехватка писчих средств породила особый литературный прием протопопа Аввакума, которую можно описать так: лаконичность, постоянная

смена картин, перемежающиеся эмоциональными восклицаниями. Свое повествование он ведет обыденным русским языком. Трогательное аввакумовское выражение о родном языке звучит очень просто и очень емко: ««... вы ... чтущие и слышашии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русский природный язык». С другой стороны, Аввакум легко переходил на торжественный язык христианского поучения, когда он в своих произведениях рассуждает на богословские вопросы или касается «нетварного мира». Скорее всего, самым большим новаторством Аввакума, как писателя, стало введение в повествование внутреннего диалога, неизвестного средневековой литературы.

Вот как характеризует «Житие» известный исследователь творчества протопопа Аввакума В.Е. Гусев: «Писателю удалось воссоздать этот образ во всей его противоречивой сложности и в то же время героической цельности. Мы видим героя «Жития» в самые различные моменты его жизни - среди толпы и в кругу семьи, с единомышленниками и врагами, в царском дворце в Москве и у байкальских рыбаков, проповедующего в церкви и тянущего сани по льду Иргень-озера, вступающего в рукопашную с медведями и умиленно созерцающего природу. Он то непреклонен и требователен, то отзывчив и уступчив; то суров и жесток, то нежен и снисходителен; то гневается и злословит, то шутит и балагурит; чувство юмора не изменяет ему в самые тяжелые минуты жизни, но он осознает трагизм своего положения; без ложной скромности понимает величие своего подвига, а собственные ошибки и слабости вызывают в нем жгучее чувство неудовлетворенности собою». [9, С. 36.]

К середине 1670-х гг. большинство грекофилов, как из числа иерархов, так и не многих царедворцев отошла в мир иной. Особым благоволением стареющего царя пользовались латинумудрствующие западники. В 1674 г. патриархом на Москве стал один из последовательнейших и кровавых гонителей старообрядцев Иоаким - «пастырь», по его собственному выражению верящий в то, что «велят

начальницы». Его первыми жертвами стали боровские страдалницы боярыня Ф.П. Морозова, княгиня Е.П. Урусова и др. Будучи черствым буквалистом от природы Иоаким обрушился не только на живых сторонников русской старины, но и на русских святых. При нем прошел широкомасштабный процесс деканонизации. Началось «изгнание» святых с архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия, как провозвестника всего боголюбческого движения и княгини-инокини Анны Кашинской, за то, что десница ее нетленных мощей была сложена двуперстно.

Административные действия нового патриарха по увеличению епископата были направлены – да этого никто и не скрывал – не на наилучшее окормление своей паствы, а на борьбу с местными старообрядцами.

Через несколько дней после падения, жестокого истребления защитников и разграбления Соловецкого монастыря, в результате измены одного из монахов, в страшных муках скончался «царь Великой, Малой и Белой Руси» Алексей Михайлович. Ему наследовал сын Феодор Алексеевич, воспитанный Симеоном Полоцким в латинофильской традиции. Он предписал всем «служилых чинов людям» являться в Кремль и ко двору только в иноземном (польском или венгерском) платье. В глазах такого царя, как Феодор помилование протопопа Аввакума было совершенно странный и бессмысленный поступок. Для него логичнее было помиловать бывшего патриарха Никона, чем сторонника национального пути развития России и ее Церкви. Иллюзорность надежд протопопа Аввакума на возвращение старых порядков в Русской Церкви вскоре стала понятна и ему самому. Несмотря на это протопоп пишет новому царю челобитную. В ней с одной стороны содержится призыв вернуться к «дедовскому благочестию» и с другой - повествуется о явлении Аввакуму посмертной участи преставившегося самодержца: душа Алексея Михайловича попала в ад.

Общее недовольство модернистской политикой правительства в самых широких слоях общества, и слабость (в прямом смысле слова

физическая слабость) ключевой фигуры государственной системы – самодержца – вела к сложению своего рода «революционной ситуации» в стране. На праздник Крещения 1681 г., в Москве, при огромном стечении народа, члены старообрядческого кружка «высмолили» надгробие царя Алексея Михайловича в Архангельском соборе и разбрасывали листовки с карикатурами с колокольни Ивана Великого. Столица бурлила. Нельзя забывать, что первопрестольная находилась накануне серии стрельецких бунтов. Проведенный розыск показал на протопопа Аввакума, как на организатора религиозно-политической акции. Было ли это так, рассуждать сложно. Одно можно утверждать точно: в глазах правительственных кругов того времени и патриархии, вся вина за сложную ситуацию в государстве лежала не на тех, кто правил, а на многолетнем пустозерском узнике «огнепальном» протопопе.

О том, что царским повелением был вынесен смертный приговор пустозерской «четверице», потомкам стало известно из последующих официальных правительственных деклараций и воспоминаний очевидцев казни. Самого указа или не сохранилось, или, из опасения массовых волнений, он был тайный, или из-за поспешности устный. Вот, что известно точно. 14 апреля 1682 г., в Страстной Великий Пятък, в Пустозерске, был поставлен сруб, для «вершения огненной казни». Все жители Пустозерска, в том числе ссыльные и заключенные, были согнаны на место приведения приговора. К срубам были приведены протопоп Аввакум, поп Лазарь, инок Епифаний и дьякон Феодор – страдальцы за веру пели молитвы. По христианскому обычаю они все испросили друг у друга прощение и низко поклонились на все четыре стороны. Их привязали в сруб и подожгли. Высвободив и высоко подняв правую руку, сложенную в двуперстие, протопоп Аввакум воскликнул своим громоподобным голосом: «Братия, будьте таким крестом молиться и вы обрящете жизнь вечную!»

Костер погас очень быстро, лишь опалив тела мучеников. Так, закончилось земное плавание простого волжанина, ставшего за свою жизнь

выдающимся борцом за русскую правду и великим христианским подвижником. Теперь его ожидал нетленный «корабль, не золотом украшен, но разными пестротами» из его юношеского «сонного видения».

Прозревая с одной стороны свою мученическую кончину, а с другой значение своего дела для будущих поколений протопоп Аввакум писал еще царю Алексею в своей Пятой челобитной: «Видишь ли, самодержавие? Ты владеешь на свободе одною русскою землею, а мне Сын Божий покорил за темничное сидение и небо и землю; ты, от здешняго своего царства в вечный свой дом пошедше, только возьмешь гроб и саван, аз же, присуждением вашим, не сподоблюся савана и гроба, но наги кости мои псами и птицами небесными растерзаны будут и по земле влачимы; так добро и любезно мне на земле лежати и светом одеянну и небом прикрыту быти; небо мое, земля моя, свет мой и вся тварь - Бог мне дал». [11, С. 200.] По преданию, еще до своей огненной казни, протопоп, предрек следующее, что через две седмицы после его казни умрет в муках российский государь, а место, где стоял тогда город с красноречивым названием, станет, в дальнейшем «пусто». Так и случилось, по словам протопопа Аввакума.

Не понятно, на что уповали организаторы казни протопопа Аввакума. Видимо они надеялись жестокостями, творившимися в государстве, заставить народ забыть о русской православной вере, об обрядах отцов и дедов, конструкцией искусственных идеологем, вытравить из душ великорусов национальную идею Третьего Рима. Их европоцентричное, по сути, и жандармско-полицейское, по исполнению, мировоззрение больше не могло вместить простую истину раннехристианского писателя Квинта Септимия Флоренса Тертуллиана: «Semen est sanguis christianorum» («Кровь мучеников есть семя Церкви»). Из языков пламени огненного сруба протопопа Аввакума с новой силой разгорелось движение в защиту идеалов Святой Руси.

Вся философская мысль греко-русской Церкви, все литературное творчество, вся проповедническая деятельность и полемический задор были

направлены исключительно на войну с «расколом», то есть со своими соотечественниками преданными древним русским чинам и православной традиции. С ними Церковь и государство боролись так отчаянно и самоубвенно, как не противостояли никому, в том числе сектантам и террористам. На протяжении двухсот пятидесяти лет государство и официальная Церковь, самым жестоким и изощренным образом преследовали старообрядцев. За два с половиной столетия годы кровопролитных гонений чередовались с годами планомерной последовательной дискриминацией.

Начиная с правления Алексея Михайловича, за исповедание старой веры полагалась смертная казнь, через сожжение. Старообрядческие религиозные центры, такие как Ветка, Керженец, Иргиз, многократно разорялись при помощи военной силы. Церкви, монастыри и скиты разбирались на строительные материалы, книги, утварь и иконы сжигались. Духовенство бросалось в пожизненное заточение, миряне отправлялись в вечную ссылку. При Петре Первом и его шести приемниках старообрядцев обладывали двойным налогом, заставляли носить особые знаки на русском платье, запрещали передвижение по стране и состояние в купеческом звании. Старообрядцам запрещалось получать образование выше начального. Последняя оговорка при Александре II существовала для того, чтобы при помощи начальных училищ попытаться склонить детей старообрядцев к обращению в господствующую Церковь.

Наиболее уважаемых членов общин пытались свести их с ума поместив в камеры к сумасшедшим. Циркулярно предписывалось хоронить умерших за несколько минут, дабы не было возможности очно отпеть покойника. При Николае I браки, заключенные старообрядцами, признавались недействительными, дети – незаконнорожденными. Передача имущество по наследству запрещалась. Из многих семей сыновей отбирали в рекруты и кантонисты. Даже хождение в нарочито русском платье и ношение бороды правительство Николая Павловича воспринимало, как вызов себе, называя

такое поведение «оказательством раскола». В 1852 г. был учрежден комитет по уничтожению старообрядчества.

Особенно лживо смотрелась антистарообрядческая политика среди казачества. С одной стороны казачество находилось в привилегированном положении в империи. Наследник престола считался Августейшим Атаманом всех казачьих войск. Казаки несли тяжелую внутреннюю и внешнюю службу, обладали правом самоуправления. Немалый процент казаков, в большинстве войск, испокон веков исповедовали старообрядчество. И здесь начинались странные маневры правительственных кругов. С одной стороны казаки верные слуги короны, с другой – «вы раскольники, и мы вас ненавидим». У казаков-старообрядцев, также как и не у казаков, могли грубо прервать службу, могли обыскать дом, могли переселить в другое войско или сослать, лишив казачьего звания, за отстаивание правоты старого обряда, могли не утвердить избранного казака в должности станичного или хуторского атамана. [Подробнее см.: 7; 36.]

Смертельно раненый на поле боя казак-старообрядец не мог ни исповедаться, ни получить причастия, так как старообрядческое духовенство не признавалось властями империи. Наиболее рьяные архиереи или епархиальные миссионеры (лица облеченные правом борьбы со старообрядчеством) могли разорить церковь, часовню, скит или кладбище, сжечь св. мощи, почитаемые казаками. Но последнее было все же исключением. Казачьи войска выполняли огромную государственную функцию. Они защищали границы государства, осваивали новоприсоединенные или труднодоступные территории, участвовали во всех войнах России. А старообрядцы среди этих людей составляли немалый процент. Боязнь, что казаки, из-за религиозной нетерпимости «уйдут в Туретчину» или оставят казачество или «разбредутся кто куда» постоянно довлела над имперской властью. Поэтому в казачьих войсках на старообрядцев по большей части закрывали глаза.

Когда против старообрядцев слишком ретиво действовали наказные атаманы, их осаживало Военное министерство, если же высочайшая власть – за казаков заступались атаманы войск. Открыто не афиширующий себя старообрядцем казак мог получить и офицерский чин, и крупную должность в войсковом правлении, и стать дворянином. Недаром только в отношении казаков Николай I распространил тайный циркуляр о признании детей казаков-«раскольников» законными отпрысками своих отцов, со всеми правами и обязанностями казачьего звания.

Если гонения ослабевали со стороны высшей власти, то их активно проводила местная администрация. Буквально до опубликования указа о началах веротерпимости в 1905 г., полицейскому, чиновничьему или судебному произволу могла подвергнуться любая община и любой самый богатый или уважаемый член общества. Полицейские могли ворваться в алтарь, во время проведения старообрядческой литургии, разбросать священные сосуды, влезть на престол. Дома старообрядцев, в том числе богатейших купцов, промышленников и банкиров, подвергались регулярным обыскам, на предмет хранения старопечатных книг, древних икон, предметов старорусской молитвы – лестовки и подручника. Все это подвергалось конфискации. Правительственные чиновники пытались препятствовать избранию старообрядцев на любые должности в системе самоуправления, в местах проживания смешенного населения. Старообрядцам было запрещено становиться офицерами. В XX веке большевикам, в борьбе с верующими, ничего не нужно было изобретать нового. Они просто последовательно заимствовали имперский опыт борьбы со старообрядчеством.

В настоящее время не вызывает сомнений тот факт, что церковный раскол середины XVII века – одна из самых трагических и кровавых страниц русской истории. Предпринятая более 350 лет назад царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном церковная реформация расколола не только Русскую Церковь. Она расколола пополам всю русскую историю, став своего рода ее разделом. Только в последние годы начинает приходить

понимание того, какая непоправимая катастрофа произошла на Руси в далеком XVII веке, которая поменяла вектор развития страны.

Борьба протопопа Аввакума с церковной реформой патриарха Никона еще при жизни принесла ему известность по всей России. Задолго до того, как он был заживо сожжен в пустозерской тюрьме, непреклонная защита им старой веры и пятнадцатилетнее заключение сделали его самым уважаемым и чтимым, равно как и самым опасным, для власть имущих, вождем староверов. Его автобиография – «Житие» – стала для всех старообрядцев ярчайшим примером исполнения духовного долга.

Изучение исторического наследия старообрядчества в настоящее время – это возможность еще раз проследить становление и развитие духовной культуры русского народа, историю борьбы за свою самоидентификацию.

Литература:

1. Агеева Е.А. Староверы-предприниматели Кузнецовы в контексте русской жизни второй половины XIX – начала XX в. // Старообрядчество в России (XVII-XX вв.): Сб. науч. трудов. Вып.3/ Гос. Исторический музей; Отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. – М.: Языки славянской культуры, 2004. (Studia historica).
2. Богданов А.П. Русские патриархи (1589-1700): В 2 т. Т. 2. – М.: ТЕРРА; Республика, 1999.
3. Бороздин А.К. Протопоп Аввакум. Серия «След в истории». Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998.
4. Быстров С.И. Двуперстие в памятниках христианского искусства и письменности. – Барнаул: Издательство АКООХ-И «Фонд поддержки...», 2001.
5. Бычков В.В. Русская средневековая эстетика. XI-XVII века. – М.: Мысль, 1992.

6. Бычков В.В. Русская средневековая эстетика. XI-XVII века. – М.: Мысль, 1992.
7. Витевский В.Н. Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военно-гражданской власти в конце XVIII и в XIX в. – Казань: Типография Императорского Университета, 1878.
8. Гурьянова Н.С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии / Н.С. Гурьянова; отв. ред. Н.Н. Покровский; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние Ин-т истории. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007.
9. Гусев В.Е. Протопоп Аввакум Петров – выдающийся русский писатель XVII века. // Житие протопопа Аввакума им самим написанное, и другие его сочинения. / Под общ. ред. Н.К. Гудзия. - М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960.
10. Житие Аввакума и другие его сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Н. Робинсона. – М.: Сов. Россия, 1991.
11. Житие протопопа Аввакума им самим написанное, и другие его сочинения. / Под общ. ред. Н.К. Гудзия. - М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960.
12. Житие протопопа Аввакума. Житие инока Епифания. Житие боярыни Морозовой. / Статьи, подготовка текстов, комментарии Н.В. Поньрко. Серия «Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях». Второй том. – СПб: «Глаголь», 1993.
13. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Репринтное воспроизведение. – М.: «Церковь», 1995.
14. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В двух томах /Сост. Г.М. Прохоров. Общ. ред. В.В. Нехотина. – М.: Институт ДИ-ДИК, Квадрига, 2009.

15. История Сибири. Ч.1.: Период от древнейших времен до установления главного города Тобольска и основания Иркутского острога. /Сост. В.К. Андриевич. СПб.: Типография и литография В.В. Комарова, 1889.
16. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. – Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1909.
17. Каптерев Н.Ф. Следственное дело об Арсении Греке и ссылке его в Соловецкий монастырь. // Соловецкий архив. Собрание документов эпохи. – СПб.: Издательский проект «Quadrivium», 2015.
18. Карташев А.В. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2: Очерки по истории русской церкви. – М.: ТЕРРА, 1992.
19. Кириллов И.А. Правда старой веры. – Барнаул: АКООХ-И «Фонд поддержки...», 2008.
20. Кожурин К.Я. Духовные учителя сокровенной Руси. – СПб.: Питер, 2007. (Серия «Лабиринты истории»).
21. Кожурин К.Я. Протопоп Аввакум: Жизнь за веру. /Кирилл Кожурин. – М.: Молодая гвардия, 2011 (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1317).
22. Крамер А.В. Раскол Русской церкви в середине XVII века: причины, начало и последствия. – Барнаул: АКООХ-И «Фонд поддержки...», 2013.
23. Кутузов Б.П. Лестовка: Сб. очерков /Б.П. Кутузов. – Ржев: Парадигма, 2017.
24. Кутузов Б.П. Метастазы никоновской «реформы»: Сб. статей /Б.П. Кутузов. – М.: 2016.
25. Кутузов Б.П. Русская история с позиций старообрядчества: Сб. статей. – М.: ООО «Печатник», 2013.
26. Кутузов Б.П. Тайная миссия патриарха Никона / Б.П. Кутузов. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008.
27. Кутузов Б.П. Церковная «реформа» XVII века. Как идеологическая диверсия и национальная катастрофа. 4-е изд. перераб. и доп. –

- Барнаул: АКООХ-И «Фонд поддержки...», 2008. (Библиотека «Старовер»).
28. Кутузов Б.П. Феномен старообрядчества. – Барнаул: АКОО Х-И «Фонд поддержки...», 2011.
29. Лазарев В.Н. Русская иконопись: от истоков до начала XVI века. – М.: «Искусство», 1983. С. 12-13.
30. Макаров В.Е. Старообрядчество, его смысл и значение. – М.: Т-во типо-литографии И.М. Машистова, 1908.
31. Мельников Ф.Е. Блуждающее богословие (обзор вероучения господствующей церкви). В защиту старообрядческой иерархии. Публичная беседа об именованном перстосложении. – Барнаул: АКООХ-И «Фонд поддержки...», 2008.
32. Мельников Ф.Е. История Русской Церкви (со времен царствования Алексея Михайловича до разгрома Соловецкого монастыря). – Барнаул: АКООХ-И «Фонд поддержки...», 2006.
33. Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999.
34. Мельников Ф.Е. Что такое старообрядчество (Статьи). – Барнаул: АКООХ-И «Фонд поддержки...», 2007.
35. Мизун Ю.В., Мизун Ю.Г. Тайны русского раскола. – М.: Вече, 2002. (Тайны Земли Русской)
36. Михайловский Г.П. Исторические сведения о расколе среди терских (гребенских) казаков в XVIII столетии. // Казаки: в 3 т. / Сост. М. и В. Котляровы; Авт. вступ. ст. Э.В. Бурда. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2015.
37. Муравьев А.В., Сахаров А.М. Очерки истории русской культуры IX-XVII вв.: Книга для учителя. – 2-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 1984.
38. Никольский Н.М. История русской церкви /Н.М. Никольский. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.

39. Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. / А.П. Павлов. Т. 1-2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018. (Studiorum slavicoꝝ orbis; вып. 15).
40. Паскаль Пьер. Протопоп Аввакум и начало Раскола. / Пер. с фр. С.С. Толстого; Науч. ред. перевода Е.М. Юхименко. – М.: Знак, 2010.
41. Прозоров Н.А. История старообрядчества. – М.: Старообрядческое изд-во «Третий Рим», 2002.
42. Пустозерские узники – свидетели Истины. Сборник / Сост., предисл., ком., оформ, под общ. ред. еп. Зосимы. – Ростов-на-Дону, 2009.
43. Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанова. – М.: Политиздат, 1989.
44. Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство / Сост., вступит. очерк и ком. В.В. Нехотина, В.Н. Анисимовой, М.Л. Гринберга. – М.: Мосты культуры, 2010.
45. Скрижаль. Акты соборов 1654, 1655, 1656 годов. – СПб.: «Свое издательство», 2013. (Quadrivium).
46. Смилянская Е.Б., Денисов Н.Г. Старообрядчество Бессарабии: книжность и певческая культура. – М.: «Индрик», 2007.
47. Старообрядчество: Иллюстрированная энциклопедия. 2-е издание, испр. и доп. / Гав. ред. В.В. Боченков. – Ржев: ОАО «ТОТ» Ржевская типография, 2011.
48. Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд. Краткий очерк / Пер. с англ. А.А. Чекаловой; Ред. рус. пер. и послеслов. В.М. Лурье. – СПб.: Алетейя, 2000. (Серия «Византийская библиотека: Исследования»).
49. Урушев Д.А. История русского старообрядчества. / Д.А. Урушев. – М.: Вече, 2015.
50. Урушев Д.А. Русское старообрядчество: традиции, история, культура / Дмитрий Урушев. – М.: Эксмо, 2016.
51. Урушев Д.А. Святая Русь. Подлинная история старообрядчества / Дмитрий Урушев. – М.: Эксмо, 2017. (Религия. Старообрядчество).

52. Шашков А.Т. Из истории сибирской ссылки протопопа Аввакума. // Старообрядчество в России (XVII-XX вв.): Сб. науч. трудов. Вып.3/ Гос. Исторический музей; Отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. – М.: Языки славянской культуры, 2004. (Studia historica).
53. Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI-XVII вв. / Юрий Эскин – М.: Квадрига, 2009. (Исторические исследования).